

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО

В РАЮ

А К Т У А Л Ь Н Ы Й Д Е Т Е К Т И В

Наталья Андреева

Вид на жительство в раю

«Автор»

2011

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Андреева Н. В.

Вид на жительство в раю / Н. В. Андреева — «Автор», 2011

ISBN 978-5-17-100088-2

История любовного треугольника стара как мир... Но как развязать сложный узел таких отношений, каждый выбирает сам. Решение обманутой женщины стать двойником своей соперницы продумано и доведено до совершенства. Просчитана многоходовая комбинация с убийствами и подставными лицами, с переодеванием и перевоплощением. В конце концов на кону большие деньги, а посему все средства хороши... Но жизнь, как всегда, более изобретательна. Убит и изменщик и его... кто? Жена или любовница? Как тут поймешь – женщины ведь так похожи!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100088-2

© Андреева Н. В., 2011
© Автор, 2011

Наталья Андреева

Вид на жительство в раю

*Книга от начала и до конца лишь вымысел автора,
любые совпадения имен и событий случайны.*

В раю

...За полчаса до того как умереть, я уже была на месте. Хотелось посмотреть, как все это будет. Я готовилась к событию тщательно: за две недели сходила в салон красоты, сделала маникюр, элегантную стрижку, с утра знаменательного дня наложила полный макияж, надела лучшее свое платье...

– Куда это ты так вырядилась? – уставился на меня муж. – Нашла повод!

Его лицо было недовольным: губы скривились, словно он жевал ломтик лимона, глаза стали похожими на щелочки. Как и всегда, когда он на меня смотрел. Но он стиснул зубы и удержался – не закатил скандал. Я все поняла правильно: скорей бы ты убралась!

И кинулась собирать чемодан. Это наше с ним последнее утро. Прощай, любимый! Мы с тобой сегодня одни. Сын уехал с друзьями в Питер. Он ученик выпускного класса, сейчас конец первого полугодия, каникулы. Последний год детства, они спешат насладиться. Мы одни, и я все пытаюсь заглянуть тебе в глаза, любимый. Может быть, еще не поздно? Сколько лет мы с тобой прожили вместе? Восемнадцать? А сколько знакомы? Двадцать? Неужели все вот так бездарно закончится? Один из нас должен уйти, чтобы другой не страдал.

Чемодан собираю я. Ты думаешь, что через каких-нибудь полтора часа я сяду в поезд и поеду к маме. Замужняя женщина одна едет к маме. То есть все так плохо, что хуже и быть не может. Хуже только смерть. Поэтому выбирать не приходится. Я собираю чемодан. А ты у телефона. Я прекрасно знаю, кому ты звонишь. Последнее время ты даже не скрываешь, что у тебя есть любовница. Полгода я следила за вами – пока не поняла, что это бессмысленно. Мне стоило только открыть рот, чтобы разразиться обвинительной речью, как ты пожал плечами и буркнул:

– Да, я тебе изменяю. Ну и что?

Мой рот тут же закрылся. Да, ты мне изменяешь. Ну и что? Что в этом странного? Я живу у тебя на содержании. За все платишь ты, следовательно, ты хозяин положения. Мой господин. У меня нет денег и нет права голоса. Не нравится – уходи. Никто не держит. Я тоже не могу тебя удержать, любимый. Нечем. Мы двадцать лет знакомы, восемнадцать женаты, последний раз занимались любовью лет этак... В общем, если я скажу, что беременна, у тебя будет истерика. От хохота. Вариант, что у меня тоже есть любовник, ты не рассматриваешь. Ты слишком хорошо меня знаешь. Поэтому я собираю чемодан. Неужели все так бездарно закончится?

Единственное, что меня на сегодняшний момент удовлетворяет, это мое отражение в зеркале. Я – молодец! За последние полгода хорошо поработала. Когда поняла, что муж изменяет, взяла себя в руки. Надеялась все исправить, склеить разбитую чашку, но пока собирала осколки, поранилась в кровь. И теперь собираю чемодан...

Полгода бешеной гонки. Полгода нервов, слез, тайных истерик, беготни по магазинам. Бесконечные часы в салонах красоты. Теперь я стройная, интересная женщина тридцати восьми лет с пышными каштановыми волосами, в которых мелькают серебристые и медные пряди. Модное мелирование. Такую прическу мне сделали в салоне. Когда муж меня увидел, то в прямом смысле слова взбесился. Слюна пенилась, так он орал! Но мне было наплевать.

Потому что я уже поняла: мои усилия пропали даром. К черту диету! Массажиста и мастера маникюра! Фитнесс и бассейн! К черту психологов и модные книги: «Как заставить себя полюбить?» или «Как удержать мужа?». К черту гадалок и приворотное зелье. Карты обещают победу тебе, а плоды каждый раз пожинает соперница. Долой! Курс кулинарии вкупе с занятиями по ускоренной программе кройки и шитья – туда же. Всех – в сад. Дело вовсе не в этом. Не в том, как я выгляжу. Как готовлю, как занимаюсь любовью. Как хорошо я вяжу и вышиваю крестиком. А в том, *что я такое*. Ноль. Ничтожество.

И я собираю чемодан.

– Уже готова? – Он выглядывает из кухни, лицо довольное. Я не принимаю это на свой счет. Он только что договорился со своей любовницей. О свидании. Прямо с вокзала, посадив меня в поезд, он отправится за ней. А я... Я собираю чемодан.

– Да, готова.

Не только готова, но и спокойна. Ты не оставил мне выбора, любимый. Пора.

– Не стоит ли тебе переодеться?

– Во что?

Я смотрю на него в упор. Он отводит глаза и мямлит:

– Я думаю, что в джинсах тебе будет удобнее. И новая норковая шубка... Неужели ты хочешь надеть ее в дорогу?

– Да! – с вызовом отвечаю я. Хочу в последний раз пройтись с ним рука об руку при полном параде.

– Галя, это глупо!

– Тебе шубки жалко?

– Не то, – морщится он. – Все, что ты делаешь последнее время, – глупо.

– Я знаю. Да, я дура. И не только в последнее время. Ты двадцать лет повторяешь беспрестанно, что я дура. Тебе не надоело?

– А разве это не правда? – Он начинает злиться. – Я двадцать лет вкалываю, зарабатываю деньги, и заметь: деньги немалые! Обеспечиваю семью. А что делаешь ты? Бездельничаешь! Была бы умная, нашла бы себе занятие. И мне бы не приходилось тянуть семью в одиночку. Здесь все куплено на мои деньги. И это, и это. И это тоже!

Его палец упирается в норковую шубку.

– Не начинай, – вздыхаю я. Сказал бы на прощанье что-нибудь новенькое. А эту песню мы уже слышали. Пластинка заезжена. Пора ее выкинуть.

– Ты права, – неожиданно легко соглашается он. – На поезд опоздаем.

Он не устраивает на прощанье скандала, я тоже иду на компромисс:

– Хорошо. Я надену джинсы, но все-таки поеду в шубке. Потому что холодно.

Он согласно кивает. Шубка – это жертва. В любом случае он выиграет больше.

– Присядем на дорожку, – говорит муж и плюхается на пуфик в прихожей. Он старше на десять лет, грузный, лицо обрюзгло, под глазами мешки. Больные почки. Неужели мой муж всерьез полагает, что любовницу интересует он, а не его деньги? Ведь это не она ночей не спала, когда к нему на фирму нагрянул ОБЭП. Не болталась вместе с ним между небом и землей, когда склады опечатали. Или когда огромная партия товара застряла на таможне. Не к ней он прибежал бледный, с трясущимися руками и дрожащими губами. Которые не сразу смогли выговорить:

– М-м-м... М-м-м... Меня п-пытались убить...

Не она сидела у постели его сына, когда тот заболел воспалением легких. Не лежала с ним в больнице с диагнозом, который и выговорить-то страшно. Да, обошлось. И в первый раз, и во второй, и в третий. Обошлось затем, чтобы сейчас взрослый сын уехал с друзьями в Питер весело проводить время, муж с любовницей планировали, как будут жить вместе, а я собирала чемодан? Но разве это справедливо? Что она делала все те годы, когда я обеспечи-

вала его надежный тыл? А ведь мы с ней почти ровесницы! Она вела свободный образ жизни, развлекалась, набиралась жизненного опыта, при помощи которого и заполучила моего мужа. И, разумеется, не рожала детей. Она вкладывала деньги и силы в себя. Потому и победила.

Во мне говорит обиженная женщина. Я вовсе не так глупа, как думает мой муж. Я вижу во всем случившемся и свою вину. Я *не росла*. Выражение как раз из его лексикона. Все его сотрудники либо *растут*, либо рано или поздно оказываются на улице. Все должно *расти*. Люди его окружения, прибыль его фирмы, оборот капитала, счет в банке. Я никак не могу понять смысла этой гонки.

– Зачем тебе столько денег?

– Ну ты скажешь!

Можно подумать, что это очень умно! При том, что муж так богат, он скупее любого бедняка. Это похоже на историю со слонем и муравьем. Кто из них сильнее? На первый взгляд слон. Ведь он поднимает бревно, в то время как муравьишка тащит соломинку. Но если сравнить поднятую ими тяжесть с их собственным весом, получается, что слону далеко до муравья. Так же и с деньгами. Бедняк тратит все до копейки. А мой супруг постоянно жмется, большую часть денег, поступающую на его счет, замораживает. Его расходы не составляют и половины доходов! Так кто он после этого?

Если бы не его жадность, у него было бы гораздо меньше проблем. И не было бы того покушения, после которого он чудом остался жив. Надо было заплатить. Поделиться...

– Галя?

– Что? – Я невольно вздрагиваю.

– Пойдем, что ли?

Ох, как не хочется! Но – пора. В последний путь. Он, страдая одышкой, несет чемодан. Вахтерша высовывается из окошечка, сияя улыбкой:

– Доброе утро, Михаил Евгеньевич! Далеко собрались, да еще так рано, Галина Ивановна?

– На вокзал, – бурчит муж. Он вносит за эту улыбку ежемесячные взносы. Вахтеры собирают мзду с каждого жильца. – Галя уезжает к маме. Как бы на поезд не опоздать. Опять долго копалась. Вы же знаете этих женщин! – жалуется он. Будто вахтерша не женщина! Но за те деньги, что получает, она готова это забыть.

– Ничего, успеете!

– Пробки, – недовольно говорит муж.

Да, пробки. Он, как всегда, прав. В машине мы молчим. У каждого из нас свои планы, и мы напряженно их обдумываем. Лично мне не по себе. А он, похоже, чувствует себя прекрасно. Ближе к вокзалу заметно повеселел. Это потому, что мы не опоздали к поезду.

– Надеюсь, ты не заставишь меня ждать на перроне?

Это не входит в мои планы. Даже если бы и входило, что это изменит? Он очень торопится, а потому сует мне чемодан со словами:

– Дальше ты сама. У меня дела.

Чемодан оттягивает мне руку. Зачем я его взяла? По инерции. Ведь это символ. Переезд – чемодан. Я знаю, что у него в багажнике лежит точно такой же. Крупные покупки муж делает сам. Исключение – норковая шубка. Я копила на нее много лет. То есть не на нее конкретно, просто откладывала на черный день. Я всегда была уверена, что этот день наступит. Деньги мнегодились. Так вот, что касается чемоданов... Их покупал муж. Марка известной фирмы, отличное качество, запах новой кожи. И цвет примечательный. Они – красные! Да-да! Красные! Я бы такие никогда не купила, но ему пообещали солидную скидку. При слове «скидка» с моим супругом начинает твориться что-то странное. Порой я думаю, что он болен. Услышав или увидев слово «скидка», он меняется совершенно! Не думайте, что он сразу кидается к товару с заветным ценником, желтым или красным. Вовсе нет! Муж подходит к нему

осторожно, нарезая круги. И всем своим видом показывая, что дешевка ему неинтересна. Ну, разве только посмотреть на «это барахло».

Он так и говорит, тыча пальцем отчего-то в ценник:

– Барахло!

Менеджер тут же начинает доказывать, что это не так. Супруг вступает в дискуссию. Спорить он может до хрипоты. И вплоть до приглашения сначала управляющего торговым залом, а потом и директора магазина. Если уличит менеджера во лжи. В итоге он получает не просто скидку, а СКИДКУ. И на выходе говорит мне, потирая руки:

– Вот видишь, как надо вести дела! Поэтому я такой богатый! А ты – транжира!

Любая его речь вот уже восемнадцать лет заканчивается обвинениями в мой адрес. Сначала о том, какой он, а под конец о том, какая я. Разумеется, он верх совершенства, а я дура. Иногда я думаю, что он женился только за этим. На ничтожестве, чтобы еще больше его изничтожить. Втоптать в грязь. Он не мог соединить свою жизнь с женщиной-совершенством. Его любовница – не исключение. Я ее видела. Если вы думаете, что это юная блондинка модельной внешности с ногами от ушей, то сильно ошибаетесь. Мы одного роста. Среднего. И примерно одного возраста. Ей немногим больше тридцати, а мне хорошо за. Должно быть, она не такая дура. Или же, напротив, еще глупее, чем я.

В итоге я остаюсь у входа в вокзал с красным чемоданом в руке, а он садится в свою машину. Это джип с тонированными стеклами. Я стою и смотрю, как он садится в машину. На глазах у меня слезы. Ну вот и все. Прощай, любимый! Я не могу объяснить, почему ты мне до сих пор безразличен. Любовь – это загадка. Я вижу все твои недостатки, я знаю, как громко ты храпишь по ночам, как, пыхтя, завязываешь шнурки на ботинках, как оглушительно чихаешь – басом, словно какой-нибудь тюлень, и нос у тебя при этом такой же мокрый и скользкий, а брызги летят во все стороны. Но черт меня возьми! Должен же кто-то тебя любить! Не за твои деньги. Аминь.

Вдруг ты вылезает из машины, и в моем сердце тоненькой свечечкой загорается надежда. Все еще можно исправить. До тебя наконец дошло: никто и никогда не будет любить тебя больше, чем я, если вообще будет.

– Галя!

– Что?!

– Ты там привет передавай. И вот еще что... – Какое-то время он сопит, собираясь с мыслями, потом с нажимом говорит:

– Ты бы отдала мне ключи от квартиры. Не дай бог потеряешь. Ты такая рассеянная.

Свечка в моем сердце тут же гаснет. Там снова мрак. За всю свою жизнь я не потеряла ни одной вещи. Не считая тех, что у меня «увели», а ему пришлось соврать. Муж не прощает кражу. Говорит, что воруют только у растяп. Я ни разу ничего не теряла, не забывала выключить свет, покидая санузел, не оставила на раскаленной плите ни одной кастрюли, и вилка утюга, когда я иду в магазин, всегда выдернута из розетки. Я уверена в этом на сто процентов. Как, впрочем, и он. Иначе не прожил бы со мной восемнадцать лет. Он не прощает небрежности. И тем не менее:

– Отдай мне ключи.

Значит, конец. Я лезу в карман норковой шубки и протягиваю ему ключи:

– Пожалуйста.

– В карманы дорогих шуб не кладут такие вещи, как кошельки, ключи, мобильные телефоны... – Лекция о том, что надо беречь вещи, заканчивается неожиданно: – Ну, вот и все.

– Вот и все, – эхом откликаюсь я. Мне очень интересно узнать его дальнейшие планы. Насчет меня. И насчет ключей, которые он опустил в карман роскошной дубленки. Но ему можно. Ведь это он за все платит.

– Пока. – Он небрежно кивает и лезет в машину.

Джип трогается с места. У мужа и в мыслях нет, что за последние полгода я изменилась не только внешне. Он уверен, что сейчас мы с красным чемоданом скроемся в дверях вокзала. И пойдем прямо на перрон. Потому что пора. До отправления поезда осталось полчаса, уже началась посадка. Но я думаю вовсе не о поезде. Хотя билет и в самом деле лежит у меня в сумочке. Точнее, два билета. Я думаю о смерти.

И с этими мыслями я с красным чемоданом иду на стоянку машин. За восемнадцать лет моего вынужденного безделья я окончила бог знает сколько курсов. Не только кройки и шитья. Вязания крючком. Вышивания крестиком. Среди них, к примеру, были курсы английского языка. И даже испанского. Бухгалтерские. И курсы вождения. И права у меня есть. Практика небольшая, но с горем пополам я доберусь туда, куда мне нужно. К месту трагедии. Которая произойдет скоро. Я даже знаю час икс. Я одна из немногих, кто об этом знает. Красный чемодан летит в багажник, я сажусь за руль. Аминь.

...Мы с мужем едем в разные стороны, а по сути в одну. Он на юго-запад, а я в центр. Но в итоге наши маршруты пересекутся в одной точке. Я успеваю к месту трагедии быстрее, хотя вожу машину плохо и всех пугаюсь и пропускаю. Да и машина у меня старенькая. Отечественного производства. И вообще: это *не моя машина*. Я вожу ее по доверенности. А принадлежит она одной из моих случайных знакомых. Мы встретились в салоне красоты и разговорились. Она ждала парикмахера, а я мастера маникюра. Оказалось, что у нас похожие проблемы. На этой почве мы и сошлись. Когда я попросила оформить на себя машину, она не возражала. Мой муж ничего не должен знать – это аргумент. И какой! Ведь он скупердяй.

Я ползу на стареньких «Жигулях» в центр, и всем на меня наплевать. К этому я давно уже привыкла. Одна из причин моего странного поступка. То есть двух билетов, которые лежат в моей сумочке, прически, новой шубки и всего, что из этого вытекает. Я догадываюсь о том, что муж прав. Что я непроходимая дура. Но поделаться с собой ничего не могу. Есть вещи, которые сильнее нас. К примеру, ревность. Обида. Гнев. За восемнадцать лет нашего «счастливого» брака столько всего накопилось!

Я приезжаю на место за полчаса до своей смерти. Могла бы и раньше, но спешить мне некуда. Теперь уже точно некуда. Бешеная гонка, которая длится вот уже полгода, закончена. Аминь. Я собираю чемодан.

Зациклилась. На чемодане. Красный чемодан лежит у меня в багажнике. Если бы знать, какую роковую роль он сыграет в моей жизни! Какие мелочи порой путают нам карты! Я ведь забыла про него. А зря. Я на месте будущей трагедии за полчаса. Это наш двор. Ничего примечательного в нем нет, кроме того, что центр, а здесь тихо. На улице зима. Январь месяц. У школьников каникулы. Мой сын уехал с друзьями в Питер. Погода премерзкая. Оттепель, с неба сыплется какая-то липкая гадость. На голову я повязала платочек, чтобы сохранить прическу. Мое замечательное мелирование скрыто от посторонних глаз. Я жду смерти.

Сижу в машине. Справа от меня – подъезд, в котором находится наша квартира. Слева – детская площадка. Мне так и не довелось посидеть там на лавочке, глядя, как мой ребенок копается в песочнице либо бешено вращается вместе с такими же карапузами на карусели. Когда мы сюда переехали, сын уже вышел из этого возраста. И не нуждался в сопровождающих во время прогулок. Поневоле я вспоминаю всю свою жизнь. За полчаса. Глядя на детскую площадку. Утро, но для владельцев собак уже поздно, а для маленьких детей слишком рано, да и погода неподходящая. Сыро, противно. На горке сражаются двое мальчишек, девочка в красной куртке лепит в сторонке снежную бабу под наблюдением няни. Но вот и она ушла. Деревянные домики пусты. Теремки, беседки. Обычно там разворачиваются снежные баталии, визг, детский смех, а порою и рев. Но сейчас тихо. Утро.

Я уже вижу убийцу. Мне не нравится этот человек. С первой секунды, как я его увидела. Внешне он непривлекателен. Высокого роста, сутулится, носит контактные линзы. Необщителен. Его движения нервные, суетливые. Все, что он делает, отвратительно. Взгляд у него

пустой. Губы узкие, нос похож на клюв. Отталкивающая внешность. Не удивительно, что он – неудачник. И еще он патологически завистлив. Я знаю, что ему нужны деньги. Иначе он бы этого не делал.

Пистолет у него за пазухой. Сам он притаился под аркой. Слилсь с серой стеной. Выжидает. Меня он, разумеется, не видит. Я в машине, в платке. Смотрю на него – и мне не по себе. Еще не поздно все это остановить. Или уже поздно? Время идет медленно. Я все никак не могу принять решение. Это дается мне тяжело. За двадцать лет знакомства муж отучил меня от этой скверной привычки: принимать решения. Я колеблюсь вплоть до того момента, когда во двор въезжает джип с тонированными стеклами. Уже и мальчишки скатились с горки и убежали домой – греться. Двор пуст. Быть может, это судьба? Ведь никаких свидетелей. Или нет. Бабушка с хозяйственной сумкой в руке идет в ближайший магазин за хлебом и молоком. Не может так быть, чтобы совсем без свидетелей. Но все равно: это Судьба! Джип остановился напротив нашего подъезда.

Я тоже открываю дверцу и выхожу из машины. И в этот момент раздается выстрел...

В аду

– Осточертело все, а? Отпуск, говорю, когда?

Оперуполномоченный Хлынов широко зеваёт. За его спиной на стекле надпись: «Дежурная часть». С той стороны, у окошечка: «Клиент». Ждет, когда выдадут письменное подтверждение, что его заявление принято. «Клиент» нервничает, дежурный, напротив, не торопится. И не суетится.

– Праздники кончились, – бурчит Хлынов, имея в виду майские. – А лето еще не началось. Вторая половина мая – сущий ад. Не знаешь, куда себя девать.

– Точно, ад, – охотно откликается дежурный, выдвигая лоток, в котором лежит квиток, так трепетно ожидаемый «клиентом». – На улице пекло. Будет, как в прошлом году: в мае жара, а потом все лето дожди. Я уж приметил: чем жарче весна, тем холоднее лето. – И «клиенту»: – Документ возьмите, гражданин.

Тот хватается бумажку и радостно кричит:

– Спасибо!

Мужчина выбегает за дверь, дежурный озадаченно смотрит ему вслед:

– Чего это он?

– В первый раз, – зевает Хлынов. – Скорее всего, отказ будет. Из прокуратуры. В возбуждении уголовного дела. А он, чудик, радуется. Да-а-а... До отпуска-то сколько еще? Июнь, июль... Да и толку? Все равно на дачу ехать. А там не разлежишься. Дом старый, участок большой. Работа всегда найдется.

– Дача – это шашлыки, – мечтательно говорит дежурный. – Шашлыки, водочка...

В этот момент дверь открывается, и в помещение входит мужчина – высокого роста, широкоплечий, с приятным лицом, которое немного портит нос картошкой. На лоб падает светлая прядь. Лоб высокий, брови вразлет. Мужчина подходит к окошечку, за которым сидит дежурный, и говорит:

– Я это... Того... Сдаться хотел.

– Чего? – переглянувшись, хором тянут дежурный и Хлынов.

– Ну, это... Явка с повинной.

– И что же ты, парень, натворил? – улыбается Хлынов. – С тещей подрался? Любимого ее попугая в сортире утопил? Давай колись!

– Я это... того... – Мужчина мнется. – Мобилы воровал.

– Мобилы? – настораживается Хлынов.

– Ага, – радостно подтверждает мужчина. – На улице, у баб. У кого шнурок с шеи срывал, у кого сумочку... это... того... Ну, отбирал. Но я только мобилы. Денег не брал.

– И сколько уже отобрал? – щерится Хлынов и делает незаметное движение к двери. Он по эту сторону стекла, а мужчина по ту.

– Пять! – все так же радостно говорит мужчина.

– Ну, это ты врешь! – Хлынов бесшумно отпирает дверь и тянет за ручку. У него четыре заявления от потерпевших. Все они – женщины. Заявляют о том, что на них напал неизвестный и силой отобрал мобильные телефоны. Описание сходится. Высокого роста, широкоплечий, лицо приятное, а вот нос картошкой. Две женщины упоминали о татуировке на правой руке. Хлынов бросает осторожный взгляд на пальцы мужчины, которыми тот тербит свой замечательный нос, и чувствует, как по спине бегут мурашки. От предвкушения удачи.

– Точно – пять.

В этот момент Хлынов открывает дверь. Теперь он в двух шагах от мужчины. Маши-нально прикидывает: тот выше ростом, в плечах шире.

– Точно – пять?

– Ага!

Хлынов незаметно перемещается поближе к объекту. В этот момент на пульт дежурному поступает звонок. Глянув за стекло, тот что-то коротко отвечает. Хлынов надеется, что правильно. Опытный сотрудник.

– Как же тебя пропустили? Через проходную?

– Так я это... того... так и сказал. К начальнику, мол. С повинной.

Мысленно Хлынов матерится. Понаберут всяких! А если террорист придет? С дежурным связались с пятиминутной задержкой. Что их отвлекло там, на проходной? На девочек засмотрелись? Красивые девочки мимо ходят. Май. Жара. Юбочки короткие, туфельки на шпильках, походка волнующая. Бдительность и притупляется. Вызвать на ковер и...

– Я документ показал, – с гордостью говорит мужчина.

– Паспорт?

– Ага!

– Значит, паспорт у тебя с собой? Давай.

Мужчина послушно лезет в карман и протягивает Хлынову паспорт. Тот открывает документ и читает:

– Пенкин Анатолий Иванович. Четырнадцатого июля шестьдесят шестого года. Место рождения деревня Сосенки... Это где ж такая?

– Далеко.

– Понятно, что не близко. Э-э-э... А регистрации-то у тебя нет! Анатолий Иванович! На каком основании проживаешь в столице?

Пенкин невольно вздыхает:

– Так это... того...

– Ну, понятно. – Хлынов хлопает его по плечу. – Пойдем, поговорим. Насчет регистрации.

– А как же насчет мобил? – Пенкин растерян.

– И за это тоже. Кстати, я не представился: оперуполномоченный Хлынов Олег Александрович. Уголовный розыск.

– Ага. – Пенкин морщит лоб. – Это... Так мне к вам!

– Ко мне, – соглашается Хлынов. – А я только что жаловался, что праздники кончились! Так вон же он: праздник!

Анатолий Пенкин смотрит на него озадаченно. И идет к лестнице на второй этаж. Хлынов пропускает его вперед. Оборачивается, смотрит через плечо на дежурного и подмигивает. Тот широко улыбается. Удача! Явка с повинной! Пенкин-то протак! Сколько бы его ловили?

Нападал он преимущественно в сумерках, особых примет нет. Разве что татуировка на правой руке... Но мало ли на свете «Толянов»? Именно так и написано на пальцах у Пенкина. И кто его надоумил прийти с повинной?

Пенкин и Хлынов идут по длинному коридору. Анатолий крутит головой, читает надписи на дверях и бессмысленно улыбается. Хлынов невольно думает: «А может, он это... того? Сумасшедший?» Всякое бывает. Наговорит на себя, признается во всех смертных грехах, а по нем, оказывается, психушка плачет.

Они входят в кабинет, на дверях которого табличка: «Уголовный розыск». Хлынов усаживается на стул и гостеприимно говорит:

– Ну, садись, Пенкин Анатолий. Будем составлять протокол.

– Ага.

Пока Хлынов раскладывает на столе бумаги и ищет ручку, Пенкин смотрит на него с готовностью. Первым делом Хлынов переписывает паспортные данные. Потом зевает:

– Ну-с, как говорится, приступим. К уголовной ответственности раньше привлекался?

– Ага, – кивает Пенкин.

– Что «ага»? – Хлынов поднимает голову.

– Так это... того... Все равно ведь узнаете.

– Опа! Значит, имеешь судимость? Когда отбывал наказание?

– Так это... уж восемнадцать лет, как освободелся!

– Судимость, значит, давно погашена. А подробности?

– Так это... за драку. Выпили мы, пошли в клуб, на танцы. Там выпили еще. Ну и... Сам не помню, как вышло, – разводит руками Пенкин. – Очнулся в участке. Оказалось, помяли городских маленько. А одного – сильно. Инвалидом он остался.

– Причинение тяжкого вреда здоровью из хулиганских побуждений. Понятно. Сколько отсидел?

– Три года. Вроде как ранее не судимый, да и пацан еще зеленый был. Снисхождение, значит. Минимум дали. Должен был в армию идти, а тут...

– Пошел под суд, потом на зону. Понятно. Ну, вышел ты, а дальше?

– Так это... В деревне жил. Потом в Москву подался.

– И давно ты в Москве?

– Да уж лет десять.

– На нелегальном положении, значит. Как решаешь проблемы с законом?

– Так это... – Пенкин смотрит на капитана в упор. Взгляд его невинен, как у младенца.

Глаза серые, ресницы светлые, пушистые. Вдруг меж них мелькает искорка, словно бы втайне Пенкин потешается над своим собеседником. Впервые в душу Хлынова закрадывается сомнение. А так ли он прост, этот Пенкин?

– Ну-ну, договаривай.

– Как-то решаю, – бормочет Пенкин. Понятно: взятки дает. А деньги откуда?

– Работаешь?

– Ага! – вновь оживляется Анатолий. – На стройке. Рабочие руки повсюду требуются. Строится Москва. А я и каменщик, и плотник, и в электрике малость соображаю. Работаю. Как не работать?

– Живешь где?

– Квартиру снимаю. Хрущоба под снос, первый этаж. Цена сходная.

– Хозяева, понятное дело, о судимости не знают.

– Почему не знают? – удивился Пенкин. – Свои же.

– Понятно. Тоже из мест не столь отдаленных. Рыбак рыбака... Больше закон не нарушал? Я имею в виду, не находился ли ты под следствием?

– Не-а.

– Точно? Не врешь?

– Богом клянусь, начальник! Ни-ни! Жил тихо.

– А как же с мобилами вышло?

– Бес попутал. Я ж говорю: запишите явку с повинной. Работы не было, ну и я...

– Когда украл первый телефон?

– В начале ноября. – Тон Пенкина резко меняется. Теперь он серьезен. Хлынов тоже: все сходится. Первое заявление от потерпевшей поступило в ноябре. Анатолий морщит лоб: – Точную дату не помню. Праздники, выпить захотелось. А денег нет. С работой перебои.

– Праздники какие?

– Как какие? Ноябрьские! Красный день календаря!

– Так ты за коммунистов? Ноябрьские-то отменили!

– Э-э-э, начальник. Не отменили, а добавили. Теперь с четвертого можно начинать. И аккуратно по восьмое.

– Логично. Значит, ты пьешь?

– Точно!

– Ты – алкоголик?

– Да ты что?! Какой же я алкоголик?!

– Но телефон украл, когда трубы горели. Что со вторым?

Далее Пенкин подробно рассказывает, как воровал у доверчивых гражданок мобильные телефоны. Мужик он симпатичный, потому женщины подпускали его близко, с некоторыми он даже знакомился перед тем, как ограбить. И заявляли они скорее от обиды, потому что имели на Пенкина виды. А тот обманул ожидания, оказался обычным вором. Хлынов подозревал, что потерпевших было гораздо больше. Пенкин говорит о пяти украденных телефонах. Врет? Заявлений четыре. Надо дать объявление на телевидение. Фото, видеосъемку. Может быть, его и опознают.

– Кто надоумил тебя прийти с повинной?

– Так это... – Пенкин запнулся. Теперь его гладко выбритые щеки заливают румянец, взгляд затуманивается. Хлынов отмечает, что мужик и в самом деле симпатичный. Бабам такие нравятся. Только вот нос. Кажется, что взят с чужого лица и приставлен к Пенкину. «Какая же глупость этот нос!» – невольно думает Хлынов. Анатолий Пенкин ловит этот взгляд, и лицо его внезапно меняется. Он трогает нос и с усмешкой смотрит на Хлынова: – Бывает.

– Что бывает?

– Любовь, говорю, с человеком бывает. – И вновь перед Хлыновым простачок, парень из деревни Сосенки. – Вот и со мной тоже. Случилось, да. С повинной прийти меня Натаха надоумила. Сожительница моя. Не расписаны мы с ней. Я ж хотел, как у людей. Предложение сделал. А она: «Ты, Толик, бандит. Не пойду я за тебя замуж».

– Ты ей рассказал о кражах?

– Так это... Ну... Я ж с ней так и познакомился!

– Не понял?

– Чего тут не понять? – в свою очередь удивляется Пенкин. – Ограбить я ее хотел. Подкатился к бабе, то да се. Потом цап за сумочку. А она смотрит на меня своими глазами и спрашивает: «Может быть, вам еще денег дать? Может быть, вам мало?»

Хлынов тупо смотрит в протокол. Что-то не вяжется. Натаха. Сожительница. «Может быть, вам еще денег дать?» Что он несет, этот Пенкин?

– Кем она работает? Наталья... Как там ее?

– Алексеевна. Чусова. Так вы что, Натаху хотите допрашивать?! Ни слова больше не скажу!

– Нам все равно придется с ней поговорить. Где она работает? Где проживает?

– У меня покамест и проживает. На съемной квартире. А работает... Салон красоты у нее. Содержит.

– Значит, твоя сожительница богата?

– И что с того?

– Зачем же ты телефоны ворует?

Вопрос ставит Пенкина в тупик. Какое-то время он смотрит в окно и что-то соображает. Потом грозит Хлынову пальцем:

– Э-э-э, начальник! Ты меня не путай! Телефон я когда увел? В ноябре! А с Натахой когда познакомился? В феврале! Аккурат под двадцать третье! У меня по праздникам конфуз случается. Причем по патриотическим. Выпить хочется, ну сил нет! За процветание Отечества. Выходит, я Родину люблю. Как думаешь, начальник, будет мне за это от суда скидка?

– Хватит чушь нести, Пенкин. И не тыкай мне. Давай по сути. Вы знакомы каких-нибудь три месяца, а ты уже сделал ей предложение? – удивляется Хлынов.

– А чего тянуть? Вижу – своя в доску. Деревенская.

– Погоди, погоди. А как же салон красоты? Деревенская девушка – владелица салона красоты? На «вы» обращается к мужчине, пытавшемуся ее ограбить? Что-то не вяжется, Пенкин.

– Так когда она в Москву-то приехала? Уж лет десять прошло! Или пятнадцать!

– Так десять или пятнадцать?

– Ты что думаешь, начальник, я эти три месяца подробности ее биографии уточнял? – откровенно смеется Пенкин. – Делать мне больше нечего! Или у тебя с этим проблемы?

– Но-но! Ты мне, во-первых, не тыкай. А во-вторых...

– Точно: проблемы, – с удовлетворением говорит Пенкин. – Во до чего мужика довели! Все жизнь наша поганая! А радио включишь, так там через каждые десять минут: «Проблемы с потенцией, эрекцией, эякуляцией...»

– Заткнись!

– Понял.

– Давай по сути. Значит, твоя сожительница отказала тебе под предлогом, что ты бандит, и велела прийти с повинной.

– Ну уж ты скажешь! Велела! Я сам так решил. Отсиджу – и женюсь на своей Натахе.

– Ты соображаешь, Пенкин, сколько тебе придется сидеть? Учитывая твое криминальное прошлое?

– Так когда это было-то? Э-э-э, начальник! Шалишь! Судимость-то давно сняли! И как же явка с повинной? Ведь я сам пришел! Сколько бы вы меня ловили?

– Думаешь, суд это учтет?

– Натаха свидетельницей выступит, – уверенно говорит Пенкин. – Расскажет про нашу с ней любовь. Много не дадут. Путаешь ты меня, начальник.

– А я думаю, лет пять. А то и больше.

– Да ты что, начальник! Пять лет! А пусть бы и пять, – неожиданно говорит Пенкин. – Зато потом – с Натахой на всю жизнь.

– Думаешь, она тебя будет ждать?

– Будет, – с уверенностью говорит Пенкин.

– Ох, какого мы о себе высокого мнения!

– Проблемы с потенцией, эрекцией, эякуляцией? – прищуривается Пенкин.

– Заткнись!

«Либо он идиот, либо... великолепный психолог! А здесь просто ваньку валяет. Нет, показалось. Так не бывает. Человек ворует мобилы. Сто процентов: его опознают. Бред какой-то!»

– Прочитай протокол, – Хлынов разворачивает составленный документ на сто восемьдесят градусов и пододвигает его к Пенкину. Несколько секунд Анатолий смотрит в бумагу, потом говорит:

– Все верно. – И берет ручку.

– Да ты прочитай сначала.

– Я вам верю, – все с той же непонятной усмешечкой говорит Пенкин и медленно, словно только-только научился писать, выводит: «С моих слов записано верно».

– Ты писать вчера только научился? – возвращает ему должок Хлынов. За потенцию.

– Руку недавно сломал, – охотно поясняет Пенкин. – Пальцы не так срослись. Как заново писать учусь.

Хлынов внимательно смотрит на его правую руку. Большой и указательный пальцы и в самом деле кривые. Татуировка «ТОЛЯН». О которой упоминали потерпевшие. На каждом пальце по букве. Первые две уехали куда-то в сторону. Ручку Пенкин держит очень неуверенно.

– Где ж ты сломал руку? – подозрительно спрашивает оперуполномоченный. – На стройке?

– Зачем на стройке? Подрался!

– Слушай, Пенкин! Ты мне это брось! Сразу говори: что за тобой числится?

– Меня отметелили, с меня же и спрашивают! – Пенкин обиженно захлопал ресницами. – Какая-то сука каблуком кованого ботинка на пальцы наступила! А рука-то уже была сломана! У меня от боли в глазах помутилось! Месяц в койке валялся! Думаете, у меня медицинская страховка есть? Как срослось, так и срослось! Пришлось, между прочим, опять мобилу красть! На лекарства не хватало!

Все правильно: последнее заявление от потерпевшей датировано концом апреля.

– А что же ты у Натахи денег не попросил? – ехидно спрашивает Хлынов. – Проблемы с потенцией?

– А при чем тут рука? – невинно спрашивает Анатолий.

– Я тебя про деньги спрашиваю, а не про руку! Вот ты говоришь, что, познакомившись с Натахой, два месяца из койки не вылезал. Любовью, мол, с ней занимался. А теперь получается, что один месяц из этих двух лежал с переломами, полученными в результате драки. И что выходит?

– Выходит, за месяц управился.

Взгляд Пенкина чист, как у младенца. Терпение Хлынова на исходе. В камеру его. Теперь никуда не денется. В рамках уголовного дела они докопаются до правды. Времени у Хлынова – вагон! Главное, есть печка, от которой можно плясать. Чистосердечное признание. Чье? В чем? А это мы еще посмотрим!

В раю

...Полчаса в ожидании, до того как умереть. До того, как оказаться в аду. Полчаса в чистилище, чтобы все как следует вспомнить и осмыслить. Где была сделана ошибка? И когда? Ведь до того был рай. Все так считали: я живу в раю. Как у Христа за пазухой. Христос, разумеется, это мой муж. Михаил Конанов. Кормилец и поилец. Многим захочется узнать, где я такого отхватила восемнадцать лет назад. А я вам сейчас расскажу. Как выйти замуж за миллионера – рецепт от Галины Конановой, в девичестве Зайкиной.

Если вы захотели получить миллионера готовеньким, все гораздо проще и... гораздо сложнее. Проще, поскольку не придется с ним нянчиться, убеждать его в том, что у него все получится, успокаивать, когда случаются провалы, гладить по голове, когда он сопит носом, словно обиженный ребенок. Лучше прийти на готовое. Тогда вместе со свидетельством о браке вы получите в единоличное пользование сложившуюся личность, сильного, волевого человека,

который смотрит на мир с высоты своих миллионов. Но эта сильная личность знает себе цену, порою ее завышает, и вам придется принять правила игры. Приспособиться. Стать тем, кем он хочет вас видеть, и получить то, чего хотите вы. Деньги и все, что на них можно купить. За исключением того, чего на них купить нельзя, это и будет счастье.

Если же вы решили «слепить» миллионера своими руками – вы пойдете моим путем и в итоге рискуете остаться ни с чем. У разбитого корыта. И не потому, что были ненасытной, как старуха из сказки Пушкина. Скорее были и остались рыбаком. Который выловил золотую рыбку, но в итоге остался с носом. Его использовали и выкинули, как ненужную тряпку. Потому что он так и не обзавелся бабочкой и фраком. Не вырос в... Ну, в кого-нибудь. И перестал соответствовать.

...Двадцать лет назад я вот так же, как сегодня, ехала на вокзал. Ведь все возвращается на круги своя. Тогда в моих руках тоже был огромный чемодан. Только не красный, а бурый, как старый медведь, завалившийся в зимнюю спячку. Студентка второго курса гуманитарного института Галя Зайкина досрочно сдала сессию и поехала на маленькую родину. Десять часов на поезде – и я дома. На втором курсе я все еще была невинной девочкой с круглыми карими глазами, темными волосами, заплетенными в тугую косу, и на вид никто не давал мне больше шестнадцати. Даже на фильмы для взрослых пускали с трудом, когда подруги замолвят словечко. А ведь мне уже девятнадцать, думала тогда я! Старуха!

И вот эта «старуха» тащила чемодан по подземному переходу на Павелецкий вокзал, обливаясь слезами. Потому что опаздывала на поезд. Непредвиденные обстоятельства: авария на дороге и огромная пробка. Где-то на середине длинного перехода я поняла, что опоздала. Мой поезд уже ушел. Теперь надо сдавать билет, ругаться с кассиром, добывать новый. С билетами в каникулы проблемы. Я села на чемодан и зарыдала. Мне теперь придется тащиться с этой неподъемной машиной обратно в общежитие, потом идти на переговорный пункт, успокаивать маму. Ведь телеграмма уже улетела: она меня ждет. А потом сидеть без дела и без денег в студенческой общаге, а две разгульные девицы в соседней комнате устроят очередную пьянку, и ко мне будут ломиться всю ночь подозрительные типы. Сессия для соседок только-только началась, и если они будут обмывать каждый сданный зачет и экзамен, да еще пяток завалят... Ничего себе перспектива! Я, невинная девочка, отличница, даже на студенческие дискотеки не хожу, стесняюсь. Жить неделю в квартире, которую соседки превратят в притон! Кошмар!

Я сидела и редела, оплакивая загубленные каникулы, и тут над моей головой раздался голос:

– Девушка, что случилось?

Я подняла голову и увидела *его*. Двадцать лет назад мой муж еще не был таким грузным, хотя сложение у него плотное, а аппетит отменный. Тогда ему было двадцать девять, живот только намечался, мешки под глазами отсутствовали, и он еще не был таким занудой. А в данном случае оказался моим спасителем.

– Что случилось? – повторил он. – Вас кто-то обидел?

– На поезд опоздала, – всхлипнула я. – А меня утром мама ждет. Я уже отправила ей телеграмму.

– Давайте мы сделаем вот что... – Он на минуту задумался. – Сейчас пойдем ко мне, я живу в двух шагах, позвоним по межгороду вашей маме, попьем чаю и решим, что нам делать дальше.

– А билет? – всхлипнула я.

– Это я беру на себя, – улыбнулся он.

Еще во времена строительства развитого социализма мой муж проявлял чудеса расторопности. Поэтому в бизнесе потом оказался как рыба в воде. Я была такая наивная девочка, что сразу же согласилась на его предложение. Мне и в голову не пришло, что это может быть маньяк, вор, насильник. Что я рискую. Да и времена тогда были другие. Встречались, конечно,

и маньяки, но в принципе людям верить было можно. Я поднялась, мужчина подхватил чемодан (тогда еще у него не было одышки) и легко понес его в сторону, противоположную выходу к вокзалу. Я засемила за ним.

– А как вас зовут? – спросила я его широкую спину.

Он обернулся и с улыбкой сказал:

– А я разве не представился? Михаил. Конанов Михаил Евгеньевич. Паспорт показать?

Он точно был не маньяк. Я робко спросила:

– А разве у вас с собой паспорт?

– А зачем я, по-вашему, очутился на вокзале? Брал билет.

– Вы куда-то уезжаете?

– Да. В командировку.

Мы шли по длинному переходу. Он нес чемодан и отделялся короткими репликами.

– Ой, а я вас не отвлекаю?

– Поезд завтра. Утром.

– Утром... – повторила я. Отныне мне предстояло стать его эхом. Если бы я знала тогда, чем все это закончится!

Он и в самом деле жил неподалеку. Не в двух шагах, но в районе Павелецкого вокзала. Квартирка была однокомнатная, кухня маленькая, но зато ремонт хороший, обои дорогие, полы паркетные, а такую мебель в те времена доставали по большому благу.

– Я не женат, – сказал он, поставив чемодан посреди прихожей. – Так что действуйте.

– Что? – слегка растерялась я.

– Готовить умеешь?

– Да. Конечно!

Я не была избалованной девочкой, кое-чему меня мама научила, а студенческая общага завершила образование. Я умела из одного куска мяса приготовить и первое и второе, соорудить из бульонных кубиков и томатной пасты вкуснейшую подливку к макаронам, без молока сделать воздушное картофельное пюре. Не говоря уже о том, что привыкла сама себя обслуживать, стирать, гладить, драить сантехнику, и т. д., и т. п. На кухне я нашла набор продуктов, необходимый для того, чтобы соорудить роскошный по тем временам обед. Первое, второе и третье. Пока варился суп, позвонила маме. Хорошая хозяйка, послушная дочь.

Михаил все это оценил. Вкупе с моей наивностью. Когда мы пообедали, за окном уже было темно. Время к вечеру. Мы и не заметили, как разговорились. Я пожаловалась на соседок, и он неожиданно сказал:

– Оставайся ночевать.

Вот тут я испугалась. Я, конечно, была наивна, но не настолько. В соседней комнате жили девицы, промышляющие проституцией, и слышать и видеть мне приходилось всякое. Выражение лица у меня было такое, что он тут же сказал:

– Не бойся, не трону. Я буду спать на кухне, на раскладушке.

Не знаю, что на меня нашло, но я согласилась. Все было как в плохом фильме. То есть он и в самом деле спал на кухне, на раскладушке. В хорошем фильме девушка полночи ворочается в постели, мужчина за стенкой тоже, потом он в одних трусах появляется на пороге спальни – и дальше уже есть что показать. И на что смотреть. В нашем случае оставалось только выключить телевизор. Они легли в постель, каждый в своей комнате, и кино закончилось. А кому оно надо, такое кино?

Я проснулась рано и долго не могла сообразить, где нахожусь. За стенкой было какое-то движение. Я вспомнила события вчерашнего вечера, вспыхнула, вскочила и лихорадочно принялась одеваться. В комнату он так и не зашел, и пока я, румяная от смущения (непонятно с чего), не появилась на кухне, мы так и не встретились.

– Доброе утро, – сказал он. Я тоже поздоровалась. Вежливо.

Приготовила завтрак. Какое-то время мы молча пили кофе. Потом Михаил сказал:

– Мне пора ехать. Ты вот что... Оставайся здесь.

– Не поняла, – растерялась я.

– Меня не будет неделю. Я инженер, еду в провинцию испытывать новую установку. Твой билет я сдам, деньги тебе верну все. И на хозяйство кое-что оставляю. Присмотришь за квартирой. Я вижу, ты девушка хорошая. И билеты к тому времени появятся. На твое направление. Каникулы-то у школьников закончатся. Я вернусь, и ты поедешь к маме. И тебе хорошо, и мне спокойно. Не люблю оставлять квартиру без присмотра. Цветы опять же надо поливать.

Я еще больше растерялась. Во всем этом романтики не было ни грамма. Впервые познакомилась с мужчиной, а он просит поливать его цветы! Милые девушки, охотницы за миллионерами. Ожидающие принца на белом коне. Жизнь – это проза. Даже если при нем розы, он все равно думает о засыхающих цветах, оставшихся в его квартире.

– Вы же меня совсем не знаете! – горячо заговорила я. – Вдруг я воровка?

– Ты? – Он усмехнулся. – Да я все про тебя уже знаю. Вплоть до домашнего телефона твоих родителей. Ведь счет придет на мой адрес. Кстати, можешь позвонить маме еще раз. Сказать, что с билетами проблема, приедешь через неделю. Ну как? Идет?

Я была такая дура, что согласилась. В этом мой муж прав. Недалекая женщина. Умная задумалась бы: разве это любовь? Кто ты для него? А я... Неделю прожила в его квартире. Поливала цветы и делала уборку. Когда он вернулся, все сияло. Пол, кухонная плита, полированная мебель и мое лицо. Как вы думаете, что было после этого? Мы легли спать. Я в комнате, он на кухне. И опять-таки ничего не было. Утром я, в свою очередь, села на поезд. Сердце мое тревожно билось. О том, что со мной случилось за эту неделю, я не рассказала никому, даже маме. Как будто случилось *все*.

В то время как *все* случилось гораздо позже. Мне даже не хочется описывать, как это было. Честно признаться, от физической близости с мужем я никогда не получала удовольствия. Моя любовь к нему простирается ровно до того момента, как его рука ложится на мою грудь. Странно, да? В момент, когда он настойчиво тербит мою грудь, я начинаю его тихо ненавидеть. В частности, за тот первый раз, когда мне было невыносимо больно. Я лет пятнадцать пыталась побороть свою застенчивость, а когда у него появилась любовница, начала «просвещаться». Но все это было потом и, увы, слишком поздно. Открытия для него делала она, а не я. Жена в таких случаях не просто вторая женщина в его жизни, а еще и рискует нарваться на скандал.

– Где ты этого нахваталась? Раньше ты так не делала!! У тебя любовник!!!

Даже если он тебя больше не любит, рога на голове его оскорбляют по-прежнему.

В общем, через год после нашего знакомства я стала женщиной и страшно этим гордилась. Причина, по которой мы порою отдаемся без страсти. Без желания. Стремление обрести другой статус. Переход из одного качества в другое. От девушки к женщине. Кроме того, что я была его любовницей, я два года вела его хозяйство. Делала то же, что замужняя женщина, но постоянно жила по-прежнему в студенческом общежитии.

Так длилось два года. До того момента, как Галина Ивановна Зайкина получила свой красный диплом. Что я сделала после этого? Направление у меня было целевое, поэтому я засунула диплом в сумочку и стала собирать все тот же чемодан. Собираясь возвратиться на свою маленькую родину, чтобы жить там и работать. Но без возможности вести московское хозяйство своего любовника.

К этому времени он купил машину. Он всегда хорошо зарабатывал и умел «крутиться». Я об этом уже упоминала. Получилось так, что мы с чемоданом и паспортом, в котором истек срок временной прописки в городе Москве, вышли из подъезда и направились к автобусу. И в этот момент у обочины затормозила новенькая машина. Я скосила глаза. Из бежевых «Жигулей» вышел Михаил и удивленно спросил:

- Куда это ты собралась?
- Домой, – ответила я.
- Каникулы, что ли?
- Я институт окончила.
- То есть?
- Получила диплом. Вот, собственно, и все. Я уезжаю. Домой.
- А почему ты мне об этом ничего не сказала?

Тут в свою очередь удивилась я. Я неоднократно упоминала о своем целевом направлении, временной прописке и дипломе, который защищаю. Но все это мой будущий муж пропустил мимо ушей. Теперь смотрит на меня, как баран на новые ворота, и спрашивает: «Куда это ты собралась?» А потом резко:

- Садись в машину.

Он отобрал у меня чемодан, положил его в багажник, я уселась на переднее сиденье, и мы поехали. Я была уверена, что на вокзал. Мы ехали к Павелецкому. Но свернули не к вокзалу, а в переулок, где находился его дом.

- На поезд опоздаем, – вздохнула я, взглянув на знакомые окна.
- Никуда ты не поедешь, – резко сказал Михаил.
- Но что же я буду делать?
- Выходи за меня замуж.

Вот так все это и было. В будни, во дворе. Нас было трое: я, он и чемодан. Вру. Нас было уже четверо. Поэтому после его слов я разревелась и сказала:

- Кажется, я беременна.
- Ну и куда ты собралась?

Это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Мой муж любил меня по большим праздникам, и это был один из них. В тот вечер Галя Зайкина была счастлива. И даже его рука, лежащая на груди, не вызывала раздражения. Вот так я и заполучила своего будущего миллионера. Продолжение следует. Как сделать так, чтобы он заработал свои миллионы.

В аду

Через неделю капитан Хлынов решил узнать, как там его подопечный. Со следователем Семеновым, которому дали дело Анатолия Пенкина, они были приятели. Работали в паре, вместе «обмывали» удачи, обсуждали причины провалов, на праздники перезванивались, хотя семьями и не дружили. Семенов был закоренелым холостяком, а у Хлынова отношения с женой не ладилась. Та требовала его постоянного присутствия в доме вечерами и особенно в выходные, Хлынов же предпочитал проводить свободное от работы время в гараже или на рыбалке. Несколько раз холостяка-следователя приглашали в гости на семейные торжества. Посидев у Хлыновых часок-другой, тот в ужасе сбежал. Супруги крепились полчаса, стараясь при госте не выяснять отношений. Но слово за слово – и начиналась перепалка. Голос у Верки Хлыновой был высокий, визгливый. Семенов, родившийся и выросший в деревне, частенько просыпался в детстве под звуки пилы-двурушки, при помощи которой мать с отцом пилили дрова. Вжик-вжик. Вжик-вжик. Когда говорила Верка Хлынова, ощущение было такое же. Олег Хлынов был крепок, как мореный дуб, и Верке приходилось прилагать максимум усилий, чтобы чего-то от него добиться. Дерево не поддавалось, и она визжала, призывая в свидетели Семенова:

- Вась, ты слышишь? Нет, ты слышишь? Ну скажи, в чем я не права?
- Я не знаю, – мямлил Семенов. – Вроде бы права.

В душе он был на стороне Олега. Мужская солидарность. Но как отказать женщине? Ясное дело: дура баба и в дурь прет. То ей на рынок, то на дачу, то мама заболела, то просто скучно. А Олег устал, ему бы на диване полежать перед телевизором.

– Вот и мама говорит, – тянула Верка, заведя глаза, густо подведенные синим карандашом. Глаза у нее были красивые и фигурка стройная, ноги длинные, грудь высокая. Видная женщина, но требует к себе постоянного внимания.

– Пойдем покурим, – мрачно говорил Хлынов после этих слов жены. А на кухне, достав пачку сигарет и воровато оглянувшись на дверь: – Как в известном анекдоте. Мужик по телефону радостно сообщает другу: приходи, теща уехала! Тот переспрашивает: кто? Говорю по буквам: тигр, ехидна, щука, акула.

– Тише ты!

– Да пошла она!

– Жена или теща?

– Обе!

– Как же ты с ней живешь, Олег? Я имею в виду Веру.

– Двое детей, – разводил руками Хлынов. – В общем-то она права. Надо больше времени проводить с семьей. Но зачем же так орать? И по каждому поводу звонить маме? Чуть что – теща уже здесь. Сидит на кухне, чай пьет. Благо живет в двух шагах. И зыркает на меня, будто я враг народа. Украл у ее единственной дочери лучшие годы жизни! Нет мне дома покоя, факт.

Вот по этой причине они и встречались вне дома. На работе у Хлынова, в кабинете у Семенова или попросту в гараже. Когда Хлынов вспомнил об Анатолии Пенкине и пяти украденных им мобильных телефонах, он тут же позвонил Семенову. И спросил:

– Как там клиент поживает? Который с повинной пришел?

На что Семенов тут же ответил:

– Есть разговор.

И Хлынов сразу понял, что разговор не телефонный. Так и знал! Что с Пенкиным будут проблемы! Они договорились встретиться вечером в гараже. Семенов пришел с сумкой пива в темных бутылках и большим пакетом сушеных кальмаров. Забежал в ближайший ларек, где милая девушка выгребла для него полхолодильника. Жара. В гараже у Хлынова тоже имелась кое-какая закуска. Они расположились на верстаке и открыли по бутылке пива.

– Ну, рассказывай, – вздохнул Хлынов.

– Ты мне веришь, нет? – Василий посмотрел на него в упор.

– Я знаю, что ты не первый день в прокуратуре работаешь, – осторожно сказал Олег.

– Да уж лет пятнадцать как, – усмехнулся Семенов. – Стажером начинал. Всякого навидался. Так вот о Пенкине... – Он сделал паузу. – Этот человек ставит меня в тупик. С самого начала. Вроде бы все просто. Как говорится, проще пареной репы. Приезжий, сидел за драку, дорожка на зону протоптана, сколько бы лет ни прошло, не зарастет. Не было работы – пошел воровать. Встретил женщину, которую полюбил, и та заставила прийти с повинной.

– Все так, – кивнул Хлынов. – И что смущает?

– Не деревенский он, – мрачно сказал Василий. – Врет.

– А чем докажешь?

– Я сам из деревни. У нас, деревенских, к земле страсть. Если о родине заговорим, так взгляд меняется. Тоскуем мы по земле. Ну нет в нем этого! В городе родился, точно! Мало того – в столице! Хоть и косит под деревенского. Чутье мне подсказывает, что врет он.

– Твое чутье к делу не пришьешь. Что по факту?

– По факту? Изволь. Я положил перед ним протокол подписать. Пенкин смотрел в него несколько секунд. Но я уверен на сто процентов: он его прочитал! Я с этим сталкивался. Есть люди, обладающие способностью к быстрому чтению и уникальной памятью.

– Откуда знаешь, что прочитал?

– Он тут же указал мне на маленькую неточность. Мол, я этого не говорил. И все смехом: шалишь, начальник! Лишнего на себя не возьму! А ведь он говорит, что не имеет образования! Семь классов и коридор! Даже ПТУ не закончил!

– Самородок? – предположил Хлынов. – Есть люди одаренные от природы.

– Ладно, проехали. – Семенов открыл еще одну бутылку пива. – Пусть у него от природы уникальные способности. Ну, не сложилось у парня. Пьяная драка, загремел на зону, дальше пошел по накатанной. Знаешь, что было в следственном изоляторе?

– Что? – спросил Хлынов, вновь с удовольствием присасываясь к холодному пиву.

– Драка.

– Обычное дело. Этот Пенкин – драчун известный. За драку и сел. И мне говорил: пальцы, мол, сломаны. Я сам видел.

– А знаешь, что сказал мужик, которого он отметелил? В камере на Пенкина трое навалились. Он, конечно, мужик здоровый, но и те не промах. И потом: их было трое! Одного госпитализировали со сломанной челюстью. Другой перепуган насмерть. А третий... Тот, у которого уже две ходки... Он сказал со стопроцентной уверенностью, что Пенкин не сидел.

– Я ж сам видел у него наколки! Та, что на левом плече, – на зоне сработана. Что я, мальчик? Не разбираюсь?

– Это в наше время проблема? Сделать наколку, как на зоне? И еще... Приемам, которыми он владеет, обучают в специальных войсках. Пенкин прекрасно знает, куда бить и как. Этим троиц он расшвырял в минуту. Когда его захотели на место поставить. Коротко и точно бил. Как профессионал. А на допросе начал тянуть: «А чего, начальник? Так, этак. Маленько припугнул. Размялся. А что челюсть мужику сломал, бывает. Сегодня мне повезло, завтра ему». Ничего себе везение! Удар ногой на высоту подбородка здорового амбала! Я не удивлюсь, если Пенкин при мне сядет на шпагат. Мужик полон сюрпризов.

– Думаешь, спецназ? Или ВДВ?

– Я не знаю, где он этому учился, – развел руками Семенов. – Ведь он говорит, что не был в армии! Тогда откуда?

– Послушай, Василий. Нам-то что? Мы какое дело ведем? О краже мобильных телефонов. Здесь все сходится. Или не сходится?

– Вроде бы сходится, – мрачно сказал Семенов. – Я намерен провести опознание. Собрать всех этих куриц... Имею в виду – потерпевших. И послушать, что они скажут. Опознают его или не опознают.

– А если опознают?

– Тогда я, как говорится, пас. Ума не приложу, зачем он воровал эти телефоны. И кто он такой вообще.

– Пенкин Анатолий. Деревня Сосенки.

– Ты сам-то этому веришь?

– Я верю, что если мы с тобой сунемся в это дело, нам мало не покажется. Хочет он сесть за кражу мобильных телефонов – пусть сядет.

– Олег, опомнись! Нам такой кекс в руки попал! Неужели не докопаемся до правды?

– Ну и что ты на него имеешь? – сердито спросил Хлынов. – Драка? Приемы карате, которыми он якобы владеет? Сверхспособности? Якобы он за пять секунд прочитывает текст, на который другому надо затратить полминуты? И что это доказывает?

– Что он не тот, за кого себя выдает.

– Скажи еще, что Пенкин – американский шпион! Вася, это уже не актуально. Холодная война-то кончилась.

– Кстати... Надо проверить, владеет ли он иностранными языками, – задумчиво сказал Семенов.

– У тебя паранойя. Кому это нужно?

– Не знаю. Этот Пенкин – загадка.

– Но телефоны-то он воровал?

– Воровал.

– И чего тебе еще надо?

– Я...

В этот момент зазвонил мобильник, лежащий тут же, на верстаке. Звонок был характерный: сирена, с которой едет по городу «скорая» или милицейская машина. Лицо у Хлынова сразу стало кислое. «Жена», – догадался Василий. Все, что говорила мужу Верка, было ему тоже слышно. Вжик-вжик.

– Где тебя черти носят?

– Я в гараже, – терпеливо пояснил Олег.

– Опять пьянствуешь?!

– Мы с Василием по работе.

– С каким Василием?

– С Семеновым. Ты же знаешь, что он только пиво пьет.

– И Семенова приплел!

– Я могу ему трубку дать.

– Знаю я твои милицейские штучки! Небось на магнитофон записал! Быстро домой!

– Вера, я...

– Ты что – глухой? Почему я одна должна отдуваться? В пятницу на родительское собрание пойдешь ты!

– Хорошо.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что пойду. И домой сейчас приду.

– Ну знаешь!

После этого труба замолчала. Олег осторожно, будто бомбу, которая при любом движении может взорваться, положил телефон обратно на верстак.

– Что это с ней? – спросил Семенов.

– Небось мама рядом сидит. Я так думаю, у нее кризис среднего возраста.

– У мамы?

– У жены, – сердито сказал Хлынов. – Все думает, что чего-то упустила. Жизнь мимо прошла. Вот и бесится. Красивая. – И он тяжело вздохнул. – Все говорила, что я от нее кавалеров отпугиваю. Ну кто, мол, захочет связываться с ментом?

– А как у вас с любовью? В смысле секса, как сейчас говорят.

– Ты еще! – в сердцах сказал Хлынов.

– Что значит «еще»?

– Да Пенкин этот. Сразу попал. В больное место. Какой к черту секс при такой жизни? Как мужик мужику: я ее хочу, пока она рот не откроет. Веришь, нет? У меня нормальная потенция только на работе. Когда жены рядом нет. Как позвонила – сразу все опускается. От этого она орет еще больше. Я говорю: давай разведемся. – «С ума сошел, а как же дети? Кому я такая нужна, разведенка тридцати пяти лет, и как квартиру делить?» – В общем, проблема. А Пенкин... Либо я идиот, либо он отличный психолог.

– Вот! В самую точку! Когда я с ним беседую, у меня такое ощущение, что иду по минному полю. А рядом сидит сапер и надо мной смеется. Он-то отлично знает, где эти мины заложены. Это меня раздражает до крайности. Особенно то, что я о нем ничего не знаю. Правды не знаю. Я предъявил Пенкину обвинение и получил постановление суда на содержание его под стражей вплоть до... Пока не выясню, кто он! Нельзя его отпускать. Кстати, он и не возражает. Мне показалось даже, что он обрадовался, когда я объявил, что до суда собираюсь продержать его в следственном изоляторе.

– Давай вот что сделаем, Василий, – Хлынов тяжело вздохнул и поднялся. – Проведем опознание. Я тоже хочу присутствовать. Если эти пять женщин...

– Четверо.

– Если четыре женщины в один голос опознают в Пенкине грабителя и если из деревни Сосенки придет подтверждение в том, что человек, изображенный на фотографиях, – Пенкин Анатолий... Надеюсь, ты связался с местным уголовным розыском?

– Конечно! Выслал факс, его фото. Они сказали, что съездят в Сосенки, опросят одноклассников Пенкина, тех, кто его хорошо знал. А еще я сделал запрос в Московский Информационный Центр, где данные об уголовной ответственности хранятся десятки лет. Мне нужно дело Анатолия Ивановича Пенкина, шестьдесят шестого года рождения.

– А родители?

– Мать, – коротко сказал Семенов. – Отца он не знает. Мать умерла год назад. Дояркой она работала на ферме. Пила сильно. Цирроз печени. Пенкин на родине не был лет десять.

– Но одноклассники-то остались?

– Люди, которые лично знали Пенкина? Да. Завтра получу подтверждение. Либо опровержение. Насчет фото. Но тогда нам придется искать настоящего Пенкина. И выяснять, кто тот человек, который пришел к нам с повинной.

– Но если все сойдется...

– Тогда я пас. Пишем обвинительное заключение и направляем дело в суд.

– И ты успокоишься?

– Да. Хотя... Ну откуда он знает приемы каратэ?

– Да остынь ты! Пошли, мне надо гараж закрыть, – сердито сказал Хлынов. – Буду я еще из-за какого-то Пенкина заморачиваться!

– Он не какой-то Пенкин. Ладно, пошли. – Семенов нехотя поднялся.

– Ты почему не на машине?

– В ремонте.

– Здесь мужиков много, которые разбираются. Пригнал бы – глянут.

– Я лучше за деньги. Не люблю одалживаться.

– Ну как знаешь.

Из гаража Семенов вышел первым и какое-то время смотрел, как Олег запирает ворота. Потом тот поднял голову и посмотрел на небо.

– Весна! – сказал с чувством. – Чуешь, Вася? Елки, весна! А погода какая, а?

– Да, хорошо.

– Хорошо. Здорово! В выходные поеду на рыбалку, – возбужденно сказал Олег. – Ну ее к черту, эту дачу! Водки можно и на бережку выпить, у костра. Да под уху. Хочешь со мной? Хорошая компания будет. Обещаю.

– Нет. Не хочу. Не любитель. И водки, и... рыбалки. – Семенов невольно поморщился. Холодно у воды, не лето. Да и клюет ли?

– Ну как знаешь. Эх, Вася! Все образуется. Образуется, утрясется. Выкинь ты это из головы. Ну, пошли.

Олег Хлынов хлопнул следователя прокуратуры по плечу и первым шагнул на тропинку.

В раю

Продолжу свой рассказ... Я получила красный диплом и переехала в квартиру Михаила Конанова. На следующий день мы подали заявление в ЗАГС. Нас расписали через два месяца. Свадьба была скромной. Маленькое кафе, человек тридцать гостей, на второй день столы не накрывали. Муж сказал, что потратился на машину, влез в долги, мои родители сделали все, что могли, но их возможности всегда были скромными. Сейчас мама на пенсии, а отец уже два года как умер. Братьев и сестер у меня нет.

Коротко о родственниках мужа, которые сыграют немаловажную роль в дальнейшем повествовании. Его родители тоже умерли. Свекровь лет десять назад, у нее было большое

сердце, а отец, Евгений Михайлович Конанов, дожил до семидесяти семи лет и скончался почти в один день с моим, Иваном Сергеевичем Зайкиным. Квартира отца Михаилу не досталась. Он на нее и не претендовал. Случаются странности. Мой скупой супруг, к примеру, обожает свою сводную сестру Лиану. Такое вот редкое имя. Его отец был женат дважды, от первого брака родился сын, от второго дочь. Разница в возрасте у Михаила и его сестры Лианы – пятнадцать лет! Поздний ребенок, последняя любовь доктора технических наук, завкафедрой, который влюбился в студентку. Студентке, как потом оказалось, нужен был не столько доктор наук Конанов, сколько московская прописка и диплом без проблем. И то и другое она получила. А потом бросила мужа, который был старше почти на тридцать лет, и ушла к молодому любовнику.

Точнее, доктор наук переехал к первой жене. И та, добрейшая женщина, его приняла. Я знаю, что редкая сноха любит свою свекровь, ведь им приходится делить одного мужчину. Ко мне это не относится. Я свою свекровь боготворила. Это была добрейшая женщина, преподаватель иностранного языка, интеллигентная, великолепно образованная и никогда не повышающая голоса. И мы с ней прекрасно ладили. Умерла она на моих руках, и я искренне рыдала на ее похоронах. Своего бывшего мужа она безропотно приняла назад, а двухкомнатная квартира осталась Лиане и ее матери. Мой супруг, который и в мелочах выгоды своей не упустит, на все, что касается Лианы, смотрит сквозь пальцы.

Я добрый человек, но видит Бог, всему есть предел! Лиана бессовестно пользуется тем, что старший брат во всем ей потакает. Сейчас ей немного за тридцать, она дважды разведена и имеет двоих детей. Прелестных дочек. Злате десять лет, а Диане пять. Все три цветка с экзотическими именами сидят на шее у моего супруга. Разумеется, Лиана меня ненавидит. За то, что приходится делиться. Я пыталась найти с ней контакт, но это бесполезно.

У моей золовки отвратительный характер. Не удивляюсь, что она не может ужиться ни с одним мужчиной. Лиана не устает повторять, что все мужики сволочи, в этом и причина ее неудач. На мой взгляд, ни одной сволочи в ее жизни не было. Все ее мужья и любовники были достойнейшие люди. Ей бы такого, как Миша, что бы она сказала? А может быть, они прекрасно ужились бы. С братом-то она ладит! Все ее мужчины Лиану баловали. А она такая женщина, что понимает только кнут, но никак не пряник. Гладишь только по шерсти – моментально садится на шею. Я даже думаю, что у них это семейное. Мой муж тоже не понимает хорошего к себе отношения. И Лиане все мало. Денег, мехов, драгоценностей, дорогих вин... Ну откуда, спрашивается, такие дорогие привычки? Если шубка, то шиншилла, если машина, так непременно с откидным верхом! Она завистлива. Михаил не имеет права купить жене в подарок дорогую вещь, не приобретя такую же для Лианы. Поэтому всеми своими драгоценностями я обязана исключительно ей. «Прими подарок к Рождеству, любимая сестра! Ну и ты, Галька, возьми. Хотя тебе и не идет».

Говорят, что Лиана хороша собой. Я так не считаю. Она высокого роста, худощава, блондинка, черты лица правильные, но взгляд у нее злой. Глаза как льдинки, а губы все время поджаты. Если она открывает рот, оттуда непременно вылетает какая-нибудь колкость. Язвительное замечание. Откровенная гадость. Ни об одном человеке Лиана не сказала доброго слова. Меня она ненавидит. Я это уже говорила.

Характером Лиана пошла в мать. Таковую же стерву. Господи, что я такое говорю?! Я, добрая женщина, перемываю кости родственникам мужа! Накипело! Вот как это называется! Вторая жена доктора наук Евгения Конанова по-прежнему живет в квартире, которую ей оставил при разводе супруг. Но Лиане там не светит ни метра. Там теперь прописано восемь человек! Новый муж, горячий восточный парень, оказался не промах. Что посеешь, то пожнешь. Я имею в виду вторую жену доктора наук Евгения Михайловича Конанова. Стерву. Но Лиане чертовски везет. Матери всегда было не до нее, зато отец и брат рьяно взялись опекать «несчастную» девочку.

История ее походов так длинна, что об этом можно написать роман. Но мне отчего-то не хочется. Подробности опущу. Скажу только, что теперь букет из трех экзотических цветов – Лианы, Дианы и Златы – произрастает в квартире, на которую имеет законное право мой супруг Михаил Конанов. Потому что она изначально принадлежала его матери, к которой Лиана, Диана и Злата не имеют ни малейшего отношения. Если бы они были ей за это благодарны! А заодно и мне! Ведь свекровь умирала на моих руках, и, поверьте, мне ничего не стоило вытянуть из нее дарственную. На меня или моего сына. Но Галя Зайкина и женщина, умирающая у нее на руках, друг друга стоили. Они ни на секунду не задумались над тем, что будет *после*.

В результате свекровь умерла, так и не оставив завещания, а с ее квартирой поступили по закону. Поскольку Лиана, Диана и Злата были в ней прописаны, они остались здесь жить. А Михаил, законный наследник, на это и слова не сказал.

Так он поступает с ней. И совсем по-другому со мной. О том, как я жила, скажу чуть ниже. Сейчас о моем красном дипломе, с которым я прочно осела дома. Сначала мне было не до работы, потому что меня мучил ужасный токсикоз. Потом я с трудом таскала огромный живот. Мой муж – мужчина крупный. И мальчик родился весом в четыре килограмма! Настоящий богатырь! В то время как я – женщина среднего роста и в двадцать лет была худа, как палка. В общем, пришлось попотеть. Кости таза во время родов разошлись, защемили нерв, и я почти месяц не могла ходить. Из больницы вышла нескоро и занялась ребенком и домашним хозяйством.

Муж работал. Маленький сын отчаянно плакал, и Михаил старался как можно меньше бывать дома. Приходил под вечер, спал на кухне, на раскладушке. Мы ведь жили в однокомнатной квартире, доставшейся Михаилу от бабушки. Три года я нянчилась с ребенком. Муж зарабатывал деньги. Жаловаться мне не приходилось.

Потом... Кто помнит, тот знает. Начало девяностых. В стране началась свистопляска, с работой стало трудно. Я решила какое-то время подождать. Да и места в ближайшем садике не было. Ребенок по-прежнему был только на мне. Свекровь уже тяжело болела, и мне было ее жалко до слез. Я старалась, чтобы она не знала о моих проблемах.

– Тебе что, денег не хватает? – буркнул муж, когда я заикнулась о работе.

Денег нам хватало всегда. Хотя все они были у мужа. Так повелось с самого первого дня. Он выдавал мне на расходы энную сумму, и попробуй не уложись! Если я укладывалась, все проходило гладко. Если нет, начинался разбор полетов. Я должна была *доказать* необходимость всех трат! За весь месяц! Вплоть до коробка спичек, мыла и зубной пасты. Это меня так утомляло, что я избрала единственный правильный путь. Укладываться в ту сумму, которую выделял на хозяйство муж. Вошла в режим жесткой экономии и за много лет стала профессионалом.

Теперь вкратце о бизнесе. О том, как мой муж разбогател, тоже можно написать роман. Но мне опять-таки не хочется. Я была соучастницей процесса в том плане, что обеспечивала надежный тыл и вела хозяйство. Это стоило мне нервов и пряди седых волос, которую теперь приходится крашивать. Скажу только, что интересы моего супруга лежат в области медицины.

Сначала он занимался исключительно медицинским оборудованием. И тот прибор, который он уехал испытывать на следующий день после нашего знакомства, тоже относился к медтехнике. Торговал он поначалу ею же. Потом включил в ассортимент лекарственные препараты. А дальше пошло-поехало. Конкуренты не могли отнестись к этому спокойно. Я уже упоминала о совершенном на моего мужа покушении. Тогда ему чудом удалось уцелеть. Пуля, срикошетив, попала в шофера, но когда Михаил пришел домой, его лицо тоже было в крови. Оказалось, что его поранили осколки лобового стекла. Как я перепугалась! А он. Мы даже на

время уехали из Москвы, спрятались в глубокой провинции, у моих родителей. Два месяца сын ходил в ту же школу, в которую когда-то ходила я.

Знаете, я два месяца была счастлива! Да-да! Все было так тихо, по-семейному. Муж целыми днями был дома, вечерами мы все садились играть в лото, ужинали всей семьей за столом, накрытым праздничной скатертью. У меня появилась надежда, что мы останемся здесь навсегда. Как мне этого хотелось! Но он решил вернуться. Михаил не мог допустить, чтобы бизнес, в который вложено столько денег и сил, достался другому.

Какими-то путями он уладил конфликт, сократил поставки, а главное – нанял охрану. Мы вернулись в Москву, и до конца года сын ездил в школу в сопровождении шофера и телохранителя. Теперь уже я была несчастна, потому что жила как на вулкане. Но муж ни за что не хотел отказаться от своего бизнеса. Он просто пошел на уступки. И его оставили в покое. Я считаю, что нам повезло. Разумеется, все это время мне было не до работы. Сын ходил в начальную школу, надо было помогать ему делать уроки, ходить на собрания, ездить с ним в бассейн, на курсы иностранного языка, и так далее, и тому подобное.

Я даже не заметила, как он вырос! Теперь мне приходится задирать голову, чтобы выслушать, когда он придет домой после вечеринки, и уговорить, чтобы прислал SMS. Я не выношу, когда он возвращается за полночь! Хотя бы предупреждал. Но со мной никто не считается. Женю нельзя винить, он во всем берет пример с отца. Михаил ни в грош меня не ставит, уходит и приходит, когда захочет, не считает своим долгом сообщать, где проводит время и с кем. Он – хозяин положения. А я...

Вы удивитесь, если узнаете, что у нас нет прислуги. При том, что мы так богаты. А зачем? Ведь прислуга – это я! Все равно мне нечем заняться. Кроме как уборкой квартиры. Она напичкана ультрасовременной бытовой техникой. Стиральная машина с сушкой, пылесос моющий, для жирных кастрюль имеется посудомоечная машина. Мой труд по дому облегчен до предела. Поэтому у меня остается много свободного времени. Будь оно проклято! Мне даже готовить не для кого! Муж обедает, а зачастую и ужинает вне дома, сын тоже взял моду ходить с друзьями в кафе, вместо того чтобы пользоваться моими услугами. Золотая молодежь, денег полные карманы. Я им не нужна. Теперь не нужна. Мои мужчины стали такими самостоятельными! Они друг с другом прекрасно ладят, а меня не замечают. Иногда я думаю: лучше бы у меня родилась девочка.

Господи, о чем это я? Женька – смысл моей жизни. Я сумасшедшая мать. Если бы он еще позволял любить себя! Он высок ростом, широк в плечах, мало того, у него уже усики пробиваются. А наш телефон обрывают девочки. В Питер наверняка поехали не одни ребята. Деньги у Женьки есть, на этот счет папа не скупится. Ведь Женька – единственный сын, наследник, продолжатель дела. Меня сын откровенно стесняется. Я – ноль. Домохозяйка. Все правильно: за что меня уважать? За то, что я загружаю белье в стиральную машину, а кастрюли – в посудомоечную? Отец – другое дело. Он глава компании. У него в подчинении человек триста, офис почти в самом центре Москвы, склады на окраине.

А теперь хочу рассказать главное: как я дошла до жизни такой. В чем причины странных поступков, которые я совершила за последние полгода. О роковой роли новой норковой шубки и красного чемодана. О том, почему в моей сумочке лежали *два* билета на поезд. И почему я ни одним из них не воспользовалась.

О том, как Галя Зайкина, в замужестве Конанова, умерла у подъезда собственного дома. И очутилась в аду.

Но сначала о рае...

В аду

– Проходите, гражданка.

В дверь робко, бочком вошла женщина средних лет с бледным ненакрашенным лицом. Хлынов, сравнивавший всех со своей красавицей женой, невольно вздохнул. Эта небось скандалов супругу не закатывает. Тихая, скромная, одета непритязательно.

– Присаживайтесь.

– Если вы насчет телефона, то Бог с ним. – Она махнула рукой. Так и не присела, и во время всего разговора косилась на дверь. Словно хотела сбежать.

– То есть как? – оторопел Семенов.

– Это все муж. Телефон – его подарок. Должна же я была как-то ему объяснить? Я и сказала: украли. А он: «Иди в милицию! Или ты врешь!» Мне все знакомые сказали, и на работе тоже, что дело безнадежное. Только время зря потратила. Но я ради мужа...

– Ну, это вы не правы, гражданка! – разозлился вдруг Хлынов. – Хотите сказать, что мы даром хлеб едим? Все так говорят! Ругают милицию! А преступник меж тем пойман! Сейчас вы должны будете его опознать.

– Как это? – испугалась женщина. И торопливо заговорила: – Темно было. Я его почти не разглядела. И лицо не запомнила. Я вообще его не видела!

– Преступника? – усмехнулся Хлынов.

– Лицо.

– Но хоть что-нибудь?

– Высокого роста, волосы светлые, – неохотно сказала женщина. – И еще нос картошкой.

Он его портил.

– Преступника?

– Лицо. Что вы меня путаете?

– А зачем вы обманываете? Говорите, что не разглядели!

– Не разглядела. Я замужняя женщина. Чего мне чужих мужиков рассматривать?

– Хорошо. Как говорится, проехали. Как дело было? Подробнее.

– Шла вечером с работы. Темно уже было, десятый час. На улице почти никого. Вижу – навстречу идет мужчина. Я о своем думаю. Дети, работа. Когда он меня за плечо схватил, я даже не сразу поняла, что происходит.

– А он?

– Пригнулся и шипит: «Давай сюда сумочку». И тянет за ремешок. Я испугалась и отпустила. Говорю: «Только не убивайте! У меня дети!»

– Почему вы так сказали?

– Не знаю. У него было такое лицо...

– Страшное?

– Этого словами не выразишь. Он взял сумочку, открыл и начал в ней копать. А меня словно парализовало. Я только потом сообразила: надо было бежать. Что мне в этой сумочке? Жизнь-то дороже! Но от страха все позабыла. Даже о том, что умею ходить. Ноги отнялись. Стою ни жива ни мертва. Над нами был фонарь...

– А сказали, что темно! – не выдержал Семенов.

– На улице да, темно. Но он же искал кошелек. Потому вышел на свет. На пальцах я заметила татуировку. Пять букв. «Толян», кажется. Я не отрываясь смотрела, как он копается в сумочке, потом в кошельке. А там ничего не было. В кошельке. Мелочь. Рублей пятьдесят. Я все потратила на продукты. А телефон у меня дорогой. Подарок мужа на день рождения. Он увидел телефон, обрадовался, схватил его, а сумку бросил. Потом прошипел: «Кому расскажешь, сука, найду и пришью». И убежал. Я подняла сумочку, кошелек и пошла домой. Все.

– Гражданка Милованова, сейчас мы пройдем в соседнюю комнату.

– А что там? – испугалась женщина.

– Обычная процедура. Главное: ничего не бойтесь.

Ее пришлось подталкивать в спину, женщина шла неохотно. Увидев трех мужчин, выстроившихся вдоль стены, невольно попятилась. Лицо у нее стало испуганным.

– Вы кого-нибудь узнаете? – с нажимом спросил Хлынов, придерживая ее за плечо.

– Нет.

– Вы уверены?

Ее взгляд уперся в Пенкина. Из всех троих он был самый симпатичный. Семенов гадал: она смотрит на Пенкина по этой причине или узнала?

– Я... Темно было.

– Ну же, Мария Федоровна. Соберитесь.

– Я... Вроде бы... – Она решила и ткнула пальцем в Пенкина. – Вроде бы он.

– Вы уверены? По каким приметам вы его узнали?

– Нос... Похож... – прошептала женщина. – Волосы светлые... И вообще... Ой, я не знаю!

– Чего вы боитесь? Преступник пришел с повинной.

– Олег! – предупреждающе сказал Семенов.

– Я не... Татуировка на правой руке. Вроде бы он.

Семенову показалось, что Пенкин вздохнул с облегчением. Во время всей процедуры у него был такой вид, будто «да» из Миловановой он хочет вытащить клещами.

– Значит, вы узнали его по следующим приметам: высокого роста, светловолосый, нос характерной формы. На правой руке татуировка.

– Да.

– Подпишите протокол, – со вздохом обратился к женщине Семенов. – И понятые.

Женщина ушла. Следующей была яркая блондинка, полная противоположность Миловановой. Но с фамилией Тихих. Она после короткого колебания указала-таки на Пенкина:

– Этот похож больше всех!

– По каким приметам вы его узнали?

– Да по всем! – фыркнула блондинка. – Я ж сказала: похож!

– Так он *похож* на человека, который сорвал у вас с шеи мобильный телефон, или это он? Пожалуйста, уточните.

– Тот был симпатичнее!

– Значит, не он?

– Он!

«Мать твою...» – мысленно выругался Семенов.

– Да я это, я, – с усмешечкой сказал Пенкин.

– Молчать!

– Дамочка стесняется.

– Пенкин!

– Я стесняюсь?! – взвизгнула гражданка Тихих.

– Да ты, козел, у меня точно сядешь! Ты что мне сказал тогда?! А?! Ты с какими словами ко мне подкатился?!

– Скажи лучше «сделал», – подмигнул Пенкин. – Ты уж и ноги была готова раздвинуть.

– Он это! Он! Пишите!

Проводив блондинку, Семенов сказал Олегу:

– Заметил? Он ее провоцировал. Этот Пенкин великолепно разбирается в людях. При Миловановой молчал, видел, что дамочка робкая. Давить на нее – толку не будет. Испугается и замкнется. А Тихих напротив. Все делает назло. Пенкин ее намеренно оскорбил, и женщина сорвалась. Уверен: она его не узнала.

– Нам-то что? У нас по факту два опознания.

Третья женщина категорически сказала «нет».

- Я никого из этих людей не знаю.
- Внимательнее посмотрите.
- Никого не знаю.
- Я беру свои слова обратно, – сказал вдруг Пенкин. – Ведь я вам угрожал. Теперь я решил добровольно во всем признаться.
- Анатолий Иванович, вы нарушаете правила! Вы должны сидеть и молчать!
- Молчу, молчу!
- Может быть, и он, – неуверенно сказала женщина. – Скажите, а телефон мне в таком случае вернут? Или нет, могу я рассчитывать на материальную компенсацию?
- Милиция денег не выдает, – сердито сказал Хлынов. – Это не к нам вопрос. Здесь давайте по факту. Он или не он?
- Вроде бы он. Если компенсация. Телефон десять тысяч стоил!
- На суде вам придется это повторить.
- Насчет телефона? Так я могу чек. У меня все чеки подшиты. И гарантийный талон. И...
- Что вы нам голову морочите? – рассердился Семенов. – Какой, к черту, гарантийный талон? У нас тут опознание! Скажите точно: по каким приметам вы его узнали? И детали ограбления.
- А вы на меня не кричите, – обиделась женщина. – Вы знаете, какая у меня зарплата?
- Да при чем здесь ваша зарплата?
- При том, что она меньше вашей! А вы мне: денег не выдаем. Зачем вы тогда меня сюда привели? Если есть преступник, должны быть и деньги! Или телефон!
- Так он же его продал, – начал было объяснять Хлынов.
- Тогда – деньги!
- Семенов посмотрел на Пенкина: тот уже откровенно смеялся. Следователь сдержался и обратился к женщине почти спокойно:
- Так что нам записать в протоколе?
- Ну, если и другие скажут то же самое...
- «Твою мать... – вновь мысленно выругался Семенов. – И что теперь делать?» Зато Пенкин выглядел довольным. Когда женщина ушла, подмигнул и сказал, обращаясь к Хлынову:
- Что с них взять, начальник? Бабе! Взять, к примеру, твою жену...
- Тебе сколько раз можно повторять, что надо сидеть и молчать?! Или объяснять надо?! – ощерился оперуполномоченный.
- Я все понял. Тихо сижу. И молчу.
- А ведь фактически ни одна из женщин его не опознала, – нагнувшись к самому уху Хлынова, шепнул Василий Семенов. – Этот человек никаких телефонов не воровал. Следовательно, он и не Пенкин.
- Он! – тут же сказала девица в обтягивающих джинсах и уверенно ткнула пальцем в Пенкина. – Он украл телефон.
- Вы уверены? Подумайте хорошенько.
- А чего тут думать? – удивилась девица. – А то я его не запомнила! Светло было. Конец апреля. Я отлично его разглядела. Блондин, высокого роста, глаза голубые, нос картошкой. На пальцах правой руки наколка.
- А как у вас со зрением?
- Сто процентов! Наколка «ТОЛЯН».
- Так и запишем. В заявлении вы указали, что мужчина сорвал у вас с шеи шнурок, на котором висел мобильный телефон...
- Цепочку. Она зацепилась за волосы, и я закричала. Сама нажала на защелку, чтобы телефон отсоединился. Больно же!
- А он?

– Я сказал: «Большое спасибо», – рассмеялся Пенкин.

– Пенкин!

– Точно! – энергично кивнула девица. – И голос его! И слова. Меня папа заставил в милицию пойти. Нечего, говорит, спускать. А папа у меня...

– Знаю, – сердито сказал Семенов. – Вы каждый раз об этом говорите. Надо, Пенкин, знать, у кого воруете мобильные телефоны.

– А наши чиновники не обеднеют, – усмехнулся Пенкин. – Еще наворуют. Знаете, сколько я получил за ее мобилу?

– Так вы что – знали, кто ее отец?!

– Откуда? – Пенкин вновь откровенно смеялся.

– Но вы же только что сказали: чиновник.

– Выходит, угадал?

– Я его сейчас убью! – прошипел Хлынов. – Издевается, гад!

– Спокойнее, Олег. Потерпевшая, подпишите протокол.

Девица энергично двинула челюстями, перекатывая во рту жевательную резинку, и шагнула к столу. Пенкин следил за ней, улыбаясь.

– Увести, – велел Семенов.

– Чего-о? – распрямившись, сказала девица.

– Я имею в виду подследственного. Остальные тоже могут идти.

– Проходи, – сказал Семенов и плотно закрыл дверь за оперуполномоченным Олегом Хлыновым. Тот уселся на стул и с усмешкой сказал:

– Ну что, Вася? Берешь свои слова обратно? Насчет того, что это не Пенкин? И что телефонов он не воровал?

– Нет.

– Одна его опознала со стопроцентной уверенностью. Даже голос. А реплика Пенкина совпала с тем, что она помнила. Остальные колебались. Причина понятна. У девицы папа – большая шишка, она ничего не боится. Если на суде она пойдет первой, остальные потерпевшие без колебаний покажут, что телефоны у них украл именно Пенкин. Вот мы и приплыли к берегу, Вася.

– Да? Мне пришел ответ из Московского информационного центра.

Семенов прошелся взад-вперед по кабинету. Он заметно нервничал.

– И что? – подался вперед Хлынов. – Отпечатки пальцев не совпадают? Фотографии в деле?

– Если бы! – в сердцах сказал Семенов. – То-то они резину тянули! А я все голову ломал: в чем причина? Неужели так трудно найти в архиве дело? А его просто нет!

– Как это нет?

– А так. Исчезло. Никаких сведений об Анатолии Ивановиче Пенкине шестьдесят шестого года рождения. Когда он сел? Лет двадцать назад. Сейчас ему тридцать девять. А сел в возрасте восемнадцати лет. Вот и считай. За двадцать лет столько всего произошло! Страну, как нынче говорят, колбасило. Строй менялся. Бывшие уголовники большими начальниками становились. Дела из архива изымались, просто-напросто исчезали. Вот и следов Пенкина там нет. Упоминания о том, что Анатолий Иванович Пенкин сидел, найти можно. В деревне Сосенки еще помнят о тех событиях. Не один он под суд пошел, была свалка, трое срок получили. Первый вернулся в родную деревню, спился, по пьяни же и замерз в снегу. Второй, Пенкин, сейчас находится под следствием. А вот третий... Личность известная. Он теперь в авторитете. Прозывается Петька Слон. Четыре ходки. Его не достанешь. Говорят, за бугор подался. У голубого залива на вилле кости греет на пару с юной моделькой. То-то Пенкин скрывать не стал, что сидел. Ему с такой биографией на зоне будет комфортно. Есть на кого сослаться, за

ним стоит Слон. Но его личное дело с фотографиями, отпечатками пальцев, антропометрическими данными исчезло.

– Ну и что?

– Да ничего, – развел руками Семенов. – Можно, конечно, навеститься в Информационный центр, поговорить с сотрудниками. Узнать подробности. Вдруг кто-то приходил по душу Пенкина? Что за человек? Кому заплатил за дело? Сколько?

– А зачем? – осторожно спросил Хлынов. – На нет, как говорится, и суда нет. Да и потом: кто тебе скажет правду? Что было, то прошло.

– Вот на это он и рассчитывал.

– Кто он?

– Думаешь, я знаю, как его зовут? Кстати. – Семенов загремел дверцей сейфа. – Ответ с родины Пенкина. Вот. Читай.

Хлынов уткнулся в бумаги. Понял голову и с удивлением спросил:

– Ну и чего тебе еще? Человек на присланных по факсу фотографиях похож на Пенкина Анатолия Ивановича, уроженца деревни Сосенки. На пальцах правой руки, по словам одноклассников Пенкина, после его возвращения из тюрьмы была татуировка «ТОЛЯН», а также на левом плече...

– Не деревенский он, – упрямо сказал Семенов. – Не деревенский.

– Ну знаешь, Вася, – в свою очередь развел руками Хлынов. – На тебя не угодишь! Ведь мы же с тобой договорились!

– Я хочу медицинское заключение, – упрямо сказал Семенов.

– На предмет чего?

– Состояние здоровья Анатолия Ивановича Пенкина шестьдесят шестого года рождения.

– Думаешь, он псих?

– Он нормальнее нас с тобою, вместе взятых. Не это меня интересует.

– А что? – осторожно спросил Хлынов.

– Хочу поговорить с врачом. Пусть под видом диспансеризации осмотрит Пенкина. Это последнее. И еще я хочу поговорить с его сожительницей.

– С Натахой?

– Именно. С Натальей Алексеевной Чусовой.

– Ну попробуй, – вздохнул Хлынов и поднялся. – Только... Зря ты это затеял. По-дружески тебе говорю. Не ищи нам работу, Вася. У нас ее и так хватает. Пойду я. Если что: звони.

Дверь за Хлыновым закрылась, а следователь Семенов все сидел за письменным столом в раздумьях, пока не зазвонил телефон. Подняв трубку, он машинально сказал:

– Пенкин. Что? Да я, я! Ну что там у вас?

В раю

...Самое страшное, что я была одинока. Родственников у меня в Москве нет, одноклассники, с которыми я когда-то дружила, остались на моей маленькой родине, институтские подруги разбегались кто куда, я же зацепилась в столице. Поначалу мы переписывались, изредка перезванивались. С одноклассниками, родственниками, институтскими подругами. Все они мне завидовали. Так и говорили: «Ты, Галя, вытащила счастливый лотерейный билет». То же самое читалось во взглядах людей. Я приходила в магазин хорошо одетая и наваливала в тележку самые дорогие продукты. Муж, вынужденный появляться со мной на людях, покупал мне и дорогие вещи. Парадные.

Как я уже сказала, денег мне на это на руки не давали. Сумма на кредитной карточке всегда была скромная. На хозяйственные расходы, в обрез. В бутики мы с мужем ехали вме-

сте. Моя задача была следующая: мерить и молчать. И ни в коем случае не говорить, что мне нравится.

– Барاخло, – морщился муж, если вещь сидела на мне идеально. И обращаясь к девушке с бейджем на пышной груди: – Вообще-то мы не сюда шли. В бутике напротив (соседнем, через дорогу...) объявлена распродажа.

На самом деле «случайно куда-то зайти» и Михаил Конанов – вещи несовместные. Накануне он придирчиво изучал рекламные объявления, сравнивая цены, и даже просил секретаршу, девицу видную и модную, узнать, где идет распродажа. Потом составлял план: куда поехать в первую очередь, куда потом. В большинстве случаев муж добивался своего. Мы получали то, чего хотели, по ценам, которые он назначал. У него талант бизнесмена, этого не отнять.

Правда, носить по будням вещи «на выход» мне запрещалось. Но ведь он же не мог меня контролировать! Как раз по будням мужа не было дома допоздна. И я контрабандно носила шикарную шубку и костюмы «от кутюр». Не потому, что хотела привлечь к себе внимание, а назло. Мелкая месть. Собака, которая не смеет укунить мучителя хозяина, дерет обоим. Портит принадлежащее ему имущество. Тайно нарушает запреты. Ей запрещено гадить в квартире – она залезает под диван и оставляет там «приятный» сюрприз. Пока еще найдут! Так же рассуждала и я: когда-то он меня поймает! Восемнадцать лет во мне жил страх перед мужем. До той поры, когда я поняла, что терять больше нечего.

Итак, я надевала парадное платье, украшения с бриллиантами и шла в магазин. На продукты мой муж не скупится. Покушать любят оба мои мужчины. Один бурно растет, у другого всегда был отменный аппетит. Обедают они вне дома, но перекусить всегда не прочь. Ночью я слышу, как хлопает дверца холодильника, а утром нахожу, что деликатесов в нем поубавилось. Я вольна была покупать икру, осетрину, ананасы – при условии, что в конце месяца предьявлю чеки, отчитаюсь за дорогие покупки. Со временем муж привык к тому, что моя бухгалтерия безупречна, и почти перестал меня контролировать. Да и денег у него стало столько, что мои траты казались сущими пустяками. И я смогла скопить на черный день энную сумму, которая мне очень пригодилась. К тому же мама, зная о моих проблемах, продала бабушкин домик и тайно передала деньги мне. Четыре тысячи долларов. Я отказывалась, но она была непреклонна.

– Возьми, Галя. Всякое бывает. Сегодня ты при муже, а дальше – кто знает? – И мама тяжело вздыхала.

Она как в воду глядела. Деньги мнегодились. Знала бы она только, на что! Бедная моя мама! Я никогда не писала домой о своих страданиях, а по телефону голос мой был бодр и весел. Она ничего не знала наверняка, только *догадывалась*. К нам не приезжала, ссылаясь на плохое здоровье. А на самом деле боялась зятя. Бедная моя мама. Каждый хочет жить иллюзиями, за что же ее упрекать? Самыми ужасными были последние три года моей жизни. Раньше я была поглощена заботами о ребенке, а когда он перестал быть ребенком, в моей жизни образовалась пустота, которую нечем было заполнить. Я мучила сына мелочной опекой, никак не могла принять, что он уже вырос, у него друзья, свои интересы, и отец ему гораздо ближе, чем я. Умом понимала все это, но сердце все равно болело. Оно хотело любить, а любить было некого. Второго ребенка муж категорически не хотел. Что я говорю? Может быть, и хотел, но только не от меня. Любовь его ко мне с самого начала была небольшой, а со временем и вовсе сошла на нет. Оба мои мужчины с каждым днем отдалялись все больше и больше. Я теряла обоих. Мое сердце готово было разорваться от боли.

С горя я начала пить. Тайно. Покупала слабоалкогольные напитки в банках, сначала по 0,33, потом по пол-литра. Сначала по одной, а потом и по две, и по три. Я пила днем, потому что вечером домой приходили мои мужчины. Которые ни о чем не должны были догадаться. Что мой день, светлое время суток, которое я ненавижу больше всего на свете, проходит в тумане. Утром я делала работу по дому, потом шла в магазин и вместе с продуктами приносила

спиртное. Сначала выпивала одну баночку, потом другую... Пустую тару крадучись выносила на лестничную клетку и спускала в мусоропровод. Следов не должно было остаться ни на моем лице, ни в мусорном ведре.

Часам к шести вечера я начинала трезветь. Уничтожала следы преступления, шла под душ, чистила зубы, иногда клала на лицо густой слой крема, чтобы скрыть красноту и набрякшие веки. Никто ничего не замечал. Через год такой жизни я поняла, что так можно и спиться. Но Господи, как же мне было тошно! Я готова была бросить пить. Только *зачем!* Какой смысл вести здоровый образ жизни, если в твоей жизни нет никакого смысла? Когда мой тайный порок обнаружился, мне уже было на все наплевать. Я прочно подседа на спиртное.

– Ты что, пьешь?! – Муж, придя как-то домой против обыкновения днем, уставился на меня. Я как раз дошла до третьей баночки. Она, открытая, красовалась на столе всеми своими девятью зловонными градусами.

– Да, я пью! И что?

– Какая мерзость!

– А ты сам? Не мерзость?

Я была пьяна, поэтому устроила ему истерику. Впервые в жизни. Мой муж – человек неглупый. Он не стал выяснять отношений с пьяной бабой. Дождался утра. И по такому случаю даже не поехал на работу. Едва я открыла глаза, он был тут как тут. Голова у меня трещала, смысл сказанного доходил с трудом.

– ... я с тобой разведусь. По причине того, что моя жена алкоголичка. Сын останется со мной. Вплоть до совершеннолетия, до которого немного осталось. Каких-нибудь два года. И ты его больше не увидишь. Он не захочет общаться с такой матерью. А до того момента ты отправишься в лечебницу для алкоголиков. Я тебя отсюда выселю.

Он говорил, говорил, говорил... До меня наконец начало доходить. Я дала ему повод! Вот уже много лет он хочет от меня избавиться. Потому и детей запрещает рожать. Не притрагивается ко мне, чтобы не «поймала». Единственная причина, по которой мы еще вместе, – Женька. Евгений Михайлович Конанов, единственный наследник. Но ему уже шестнадцать. И теперь есть повод. Галя Зайкина идет к черту. Неужели у него кто-то есть? Конечно! Как я могла забыть! Я похолодела. Сказала заплетающимся языком:

– Я... я... я... больше не буду.

– У меня нет времени постоянно тебя контролировать, – поморщившись, ответил муж. – Вопрос надо решать радикально. Я вижу только один выход: развод.

– Миша! Дай мне шанс! Умоляю! Ты увидишь, как я изменюсь!

– Да ты посмотри на себя! Как ты опустилась! Пьяная толстая баба! Лицо серое, под глазами мешки! Ты что – еще и куришь?!

– Нет! Что ты? Нет!

– Врешь!

Покуривала, да. После баночки спиртного так хочется затянуться сигареткой. Но ведь не пачку же в день. Всего-навсего одну сигаретку. Я вскочила и кинулась к зеркалу. То, что увидела там, повергло в шок. Вот они, заветные баночки! Джинсы и тоники! Все как одна! В мешках под глазами, на бедрах, на расплывшейся талии. И сигаретки. Ничто не проходит бесследно. Ничто. Во что же ты превратилась, Галя Зайкина, девочка с толстой косой и грустными темными глазами? Но разве ты одна в этом виновата?

– Сын вчера застал тебя в таком виде...

– Женька?! Ох, нет!

– Постыдись! У него и так не было причины гордиться матерью.

– Но ты же сам запрещал мне работать!

– Когда это? – вытаращил глаза муж. Признаться, и в этом была доля правды. Вот уже лет пять, как он не возражает против моего трудоустройства. За это время я закончила с десятком

курсов, что не помогло мне найти работу. Деньги за обучение с меня каждый раз берут охотно. Обещая трудоустроить. И три раза, выполняя условия контракта, приглашают на собеседование. Потом говорят:

– Извините, условия мы выполнили. Все пункты контракта. Вы получили «корочки» и трижды были приглашены к работодателям. Не наша вина, что вы никому не подходите.

А чья? Моя? Я терялась в догадках: почему никто не хочет предоставить мне работу? Ведь я не прошу много денег.

– Вот потому и не хотят, – сердито сказал как-то муж. – Ты посмотри на себя! Приходишь устраиваться на работу в норковой шубке, на пальцах кольца с бриллиантами. «А кто ваш муж?» «Ах, ах, у него фирма!» Ты что, будешь подметки на ходу рвать, карьеру делать? Да у тебя и так все есть! Всем сразу понятно, что на работу ты идешь со скуки. И работать будешь спустя рукава. У тебя нет материальной заинтересованности. А те люди, с которыми тебе придется работать? Думаешь, им приятно будет на тебя смотреть? Слушать про то, что у тебя муж миллионер, а дом – полная чаша? Дура!

– Но что же мне делать?

– А я откуда знаю?

– Быть может, мне найдется место в твоей фирме?

– Что-о?! Только этого не хватало! Я хоть на работе от тебя отдыхаю! Нельзя работать с женщиной, с которой живешь!

К его любовнице это не относилось. Как я уже выяснила, она работала юристом на его же фирме. Имя ее я слышала давно. Марина. Точнее, «Ах, Марина!» Марина то, Марина се. Ее знания фундаментальны, опыт огромен, услуги, которые она оказывает фирме, неоценимы. Дошло до того, что мне захотелось ее увидеть. Эту Мисс Совершенство. Мисс Большие Мозги. Эту «Ахмарину». Я пошла на банкет, который устраивают на фирме моего мужа в конце каждого года. Арендуют ночной клуб и приглашают туда всех сотрудников. Я тоже пришла, хотя и не сотрудник. «Ахмарина» сидела по правую руку моего супруга, и когда он говорил тронную речь, подсказывала слова. Михаил Конанов никудышный оратор, но зато он глава фирмы. Все, в чем он слаб, берет на себя «Ахмарина». Я тут же подумала: «Как все запущено!» Эта «Ахмурина», похоже, второе лицо в фирме. Что же касается внешности... Сначала я подумала: ничего особенного. Не красавица. Потом опомнилась: чем-то же она его зацепила! Быть может, мой муж предпочитает этот тип женщин? Несколько раз я ее сфотографировала. Эти фотографии мне впоследствии очень пригодились.

Но вернемся к нашему скандалу. С него все и началось. Я поняла, что хожу по краю. Муж выполнит все свои угрозы. У него на это есть деньги. Значит, он наймет дорогих адвокатов. А у меня нет ничего. Моя позиция проигрышная. Он размажет меня по стенке. А главное, я теряю Женьку, смысл моей жизни. Боже мой! Что со мной будет?! А ведь мне всего тридцать семь! Неужели жизнь кончена? Нет, Галя Зайкина так просто не сдастся! Я буду бороться.

Вот с этого, собственно, все и началось. Пить я тут же бросила. И записалась в секцию аква-аэробики. От страха у меня пропал аппетит, просто кусок в горло не лез. Я начала стремительно худеть. Одежда на мне повисла, пришлось купить новую. Я робко попросила у мужа денег. Он посмотрел на меня скептически и сказал:

– Думаешь, тебе это поможет? Впрочем, не могу же я выставить тебя из дома нагишом. Много дать не могу, ты знаешь, у меня стройка...

Ах, эта стройка! Разве я еще об этом не говорила? Разумеется, мой муж-миллионер не мог удержаться и не прикупить участок земли на заповедной территории. Где такие же миллионеры чувствуют себя вольготно. Земля там баснословно дорогая, но муж, который вкладывает деньги только с перспективой вернуть потраченную сумму с лихвой, сказал, что это выгодное капиталовложение.

Недвижимость «в зоне заповедника» он начал возводить с размахом. Судя по тратам. Отныне я постоянно слышала жалобы на дороговизну стройматериалов. Мне этого не показывали, хотя Лиана была на стройке постоянной гостьей. И Ахмурина тоже. Я об этом догадывалась. Разумеется, она консультант моего мужа по всем юридическим вопросам. Что касается Лианы, то ей просто-напросто нечем заняться. А Галя Зайкина, как всегда, не у дел. Но я не обижаюсь. Мне эта стройка до фонаря. Я не принадлежу к кругу людей, которые выживают только в условиях заповедника. Если в переполненном вагоне метро мне отдавят ногу, я, уж конечно, не буду делать из этого трагедию.

Денег мне дали, и я поняла, что это отступное. Уж очень он был щедр. Я не сомневалась, что при разводе адвокат переписет каждую тряпку, купленную на эти деньги. Все это будет занесено в реестр. На что имеет право Галя Зайкина? Я задумалась. Квартира, которую мы с доплатой поменяли на ту, в которой сейчас живем, изначально принадлежала моему мужу. Участок, где идет стройка, записан на него. Машина на фирму. Квартира покойной свекрови на Лиану. Вот и выходит, Галя Зайкина, что ты дура. Как не было у тебя ничего, так и нет. А что на этот счет говорит закон?

В законах была сильна Ахмурина, но никак не я. Я поняла, что судиться с ними не смогу. В лучшем случае меня выпихнут в однокомнатную квартирку на окраине мачехи-столицы, а в худшем я вернусь на маленькую родину, к маме под бочок. Выигрышный лотерейный билет оказался пустышкой. А в чем моя вина? Только лишь в том, что я хороший человек? Добрая, отзывчивая женщина, покорная жена, сумасшедшая мать. И такая меня взяла обида! Я решила бороться. Не за имущество, а за мужа. За сына. Я захотела их вернуть. Деньги у меня были, встал вопрос: что на них купить? Одежда, которую я носила до сих пор, успеха у моего супруга не имела. Значит, надо менять стиль. А что ему нравится? Ему нравится Ахмурина. Значит, надо одеваться так же, как она. Вот тут мне и пригодились фотографии соперницы. Я придиричиво их изучила и...

Впрочем, это отдельная история...

В аду

- Садитесь, Пенкин.
- Спасибо, начальник.
- Обращайтесь ко мне «Василий Иванович».
- Как Чапаев? Ух ты!
- Хватит, Пенкин.
- Не понял?
- Под дурачка, говорю, хватит косить.

В серо-голубых глазах обида. Пенкин присаживается на стул и вздыхает:

– Воля ваша. Иванович, значит. Тезки. Я тоже. Иванович.

– Ну-с, Анатолий Иванович, как говорится, приступим. Вот заключение терапевта. Результат медицинского осмотра. Ознакомьтесь.

Семенов, придвинув документ к Пенкину, следит за его реакцией. Тот секунд десять смотрит в бумагу, потом пожимает плечами:

- Ни хрена не понимаю. Чепуха какая-то. Ну и почерки у этих врачей!
- Не понимаете? Ладно. Я вам разъясню.
- Валяйте.

Пенкин вальяжно разваливается на стуле, закинув ногу на ногу. У него вид деревенского простачка: рот приоткрыт, взгляд пустой. «Ну, этот номер у тебя не пройдет!» – думает Семенов и втайне усмехается.

– Вот вы, Анатолий Иванович, говорите, что курите и пьете.

– Так, начальник... Василий Иванович то есть. Бросил. Вот ведь какая штука! Курить в камере бросил. Потянуло на здоровый образ жизни. Бывает ведь, а?

– Да? А мне сдается, что вы никогда и не курили. И не пили. Согласно заключению терапевта, печень не увеличена. Да и легкие чисты, как у младенца. У вас отменное здоровье, Пенкин.

– Да ну? Значит, отсижу сколько положено, вернусь к своей Натахе здоровеньким и смогу, как и прежде. Исполнять супружеский долг. Значит, и детей могу иметь? Это вы меня обрадовали!

– А как насчет алкоголя?

– А что такое?

– Ведь вы не алкоголик, Пенкин.

– А я разве это говорил? – мгновенно обижается тот. – Меня и приятель ваш спросил, когда я с повинной явился: алкоголик? Да какой же я алкоголик? Я так ему и сказал. Вы почитайте протокол. Там и роспись моя есть.

– С чего вы взяли, что оперуполномоченный Хлынов – мой приятель?

– А разве нет?

– Вы прекрасно разбираетесь в людях, Пенкин.

– Чего?

– Образование? Отвечать, быстро!

– Начальник, брось. Ну какое у меня образование? Семь классов и коридор. Я и десятилетку не закончил. А из ПТУ сбежал.

– И нервы крепкие, – усмехается Семенов. – Тренинг, да? В спецвойсках служили? Десант? Номер части?

– Чего-о? Какой части?

– Каким видом спорта занимались? Какой разряд? КМС? Мастер спорта? Отвечать!

– Это юмор такой, да? Я понял! КМС, номер части! Ха-ха! Смешно! Ты читай протокол. Не был я в армии, под суд пошел. А как вернулся с зоны, в райцентре жил, потом в Москву подался. На нелегальном положении жил, без прописки. Может, и искали меня. Да я не нашелся. А что касается спорта... Мой спорт – кирпичи таскать. На здоровье не жалуясь, это да. Так у меня и работа такая. Где сила нужна.

– Заключение терапевта читай.

– Так я ж сказал: ничего не понял.

– А там сказано: высокий мышечный тонус. Это бывает у людей, которые профессионально занимаются каким-нибудь видом спорта. В твоём случае это *предположительно* каратэ. Врач так сказал. Мышцы ног накачаны, на руках характерные мозоли.

– Так я ж строитель. Как без мозолей? Руки рабочие, вот они. – Анатолий вытягивает вперед руки, растопырив пальцы. Семенов с усмешкой говорит на это:

– Ребром твоей ладони кирпич можно разбить, согласен. Но не на стройке ты это делал.

– Почему не на стройке? Баловались, бывало, – тянет Пенкин. – Приятель мой выпивши и головой кирпич расшиб. Строители мы, мужики простые. Ну, чего ты пристал, Василий Иванович? В камере от скуки гимнастикой начал заниматься. Отжимаюсь, приседаю, на корточках прыгаю. Ну, накачал мышцы. Кому от этого плохо?

– Ладно. Как говорится, проехали. Это не самое интересное. Как ты объяснишь другое. Хирург сказал, что тебе недавно делали ринопластику.

– Чего-о? – На лице Пенкина откровенное удивление.

– Нос, говорю, переделывали! Хватит ваньку валять, Пенкин!

– Эх ты хватил! Переделывали! Да я разве отпираюсь? Было. Я и оперу сказал. Приятелю твоему. Была драка.

– Про драку я уже слышал. А про нос нет.

– Так он и не спрашивал. Спросил бы, я ответил. Чего скрывать? Была драка. Кого хочешь, спроси, хоть Натаху мою. Я был один, а их человек пять. Помяли они меня крепко. Руку сломали, на пальцы ботинком наступили, суки! А нос разбили. Кровища хлестала! «Скорую» пришлось вызывать.

– Дату сможешь назвать? Когда драка была?

– Конечно! Разве такое забудешь? Погоди-ка. Тепло уже было. Солнышко пригревало. Самый конец марта. Мы с Натахой гулять пошли. В парк. А там шпана. Ну и зацепили Натаху мою. Сказали не так. А я парень горячий. За свою бабу кому хошь глотку порву.

– Так их же было пятеро, – с усмешкой сказал Семенов. – Небось все пьяные.

– Так и я не трезвый. В общем, слово за слово, мы и сцепились. Натаха в крик. Да толку? Очнулся – они уже разбежались. А из меня кровища хлещет. Ну, им тоже досталось. Одного на руках унесли, – хвастливо сказал Пенкин.

– Надо думать. Мужик ты здоровый. И что было дальше?

– Вызвали «скорую». Натаха поехала со мной. А в больнице врач говорит, что у меня не нос, извиняюсь, а месиво. И что если ничего не делать, то на всю жизнь останется кривой. Мне-то что, но Натаха красоту мою уважает. Я, говорит, не могу такого допустить. Чтобы у меня был супруг с кривым носом. А она – владелица салона красоты. Клиентки у нее есть богатые. Ну и сама любит. Это... Ошибки природы исправлять. Во!

– Ваша любовница обращалась к пластическому хирургу? – уточнил Семенов.

– Точно! А кто сейчас не обращается? Это ж нынче модно! Телевизор смотришь? То-то! Вот она и отвезла меня в клинику. Я и не скрываю. За операцию заплатила. Фотографии мои привезла. Сделайте, говорит, как было. Ну, мне и сделали. Как вы сказали?

– Ринопластику.

– Точно! Вроде как врач такое слово и говорил.

– Адрес клиники можете назвать?

– Адрес? Она знает.

– Выходит, разговора с Натальей Чусовой не избежать. Ладно. Нос вы мне, Пенкин, объяснили.

– А что, еще есть вопросы? – Во взгляде Пенкина откровенная насмешка.

– Какого черта вы с повинной пришли?

– Ну ты даешь, Василий Иванович! И это вместо «спасибо»!

– Ты мне не тыкай, Пенкин! – все больше раздражаясь, сказал Семенов. – Есть еще одна неувязочка. На блатном жаргоне ты не говоришь. Слова-то знаешь какие надо, только из тебя интеллигентность так и прет. Вместо жаргона. Не твое это. Материшься, как вымучиваешь. Кого хочешь обмануть? Сокамерники тебя вмиг раскололи. Запугал ты их, да. Все, что они сказали сгоряча, к делу не пришьешь. Теперь говорят, что свой. Ошибочка, мол, вышла. А наколки-то у тебя, Анатолий, сделаны недавно. Затертые только. И пальцы ты сломал, чтобы по фотографиям не опознали. Можно ведь сличить. Есть твои фотографии, из деревни. Сделанные после того, как ты из колонии вернулся. Изображение татуировки можно увеличить. И лицо. Сличить. Допустим, много лет прошло. Но вот пластическая операция... Да, это все меняет. А пальцы ты, похоже, нарочно сломал.

– Я похож на придурка? Объясняю: ботинком на руку наступили.

– Ты потому так уверенно себя ведешь, что дело твое исчезло.

– Какое дело?

– Их архива. Где ему положено храниться. И ты это знаешь. Что его нет. Иначе бы Пенкиным не стал. Но вот кто ты на самом деле, Пенкин Анатолий? А главное – что тебе здесь надо? В СИЗО?

Пенкин молчит. Морщит лоб.

– И почерк, – продолжает Семенов. – Почерк у тебя, говорю, изменился, Анатолий Иванович. Подпись похожа, но... Не та! Есть документы, подписанные Пенкиным Анатолием Ивановичем. Экспертиза говорит, что ты – не он.

– А пусть она это докажет, экспертиза. Пусть тот, который заключение давал, сломает пальцы правой руки, а потом, когда они неправильно срастутся, поставит под заключением свою подпись. Рядом с первой. Можно такое сделать?

– А ты не дурак, – задумчиво говорит Семенов. – И как сказал, а? Пусть они *неправильно* срастутся. Не просто срастутся. Вот в чем соль! Аргумент на уровне хорошего адвоката. Кто ж добровольно захочет идти на такой эксперимент? Чтобы доказать правомерность заключения эксперта, надо найти нескольких человек с неправильно сросшимися пальцами правой руки и сличить их подписи. До и после. Кто будет этим заниматься? А главное – где найти этих людей? Как заставить их принять участие в экспертизе? А ведь у тебя не просто высшее образование. Юрфак? Да? МГУ? Попал?

– Нет. Хочешь – проверь на детекторе лжи.

– Какие слова мы знаем! Нет, Пенкин. Или как тебя там? Детектора ты не боишься. Тут тебя натаскали.

– Во дает! Да я его в глаза не видал! А что слово знаю... Так это... Телевизор-то все смотрят. А я детективы уважаю.

– Дать твои фотографии в розыск – толку мало, – задумчиво говорит Семенов. – Лицо ты себе изменил. Отпечатки пальцев по картотеке не числятся. Дело пропало. И есть у тебя сообщник среди наших. Который все за Пенкиным подчистил. Ведь не может быть, чтобы человек сидел, а его отпечатков пальцев нигде не осталось! Дорого это стоило, но ты, видать, мужчина не бедный. Только зачем тебе все это надо? А?

– Ну и фантазия у тебя, Василий Иванович! А главное: зачем *тебе* все это надо? А?

– Что?

Семенов наклоняется вперед, Пенкин тоже делает движение корпусом по направлению к следователю. С минуту они, не мигая, смотрят друг другу в глаза.

– Взятку мне сейчас предложишь? – хрипло говорит Семенов.

– Нет. Ты не возьмешь.

– Ты не Пенкин.

– Пенкин. – Тот отводит наконец глаза и тихо говорит: – Делай свое дело. Сажай меня за кражу мобильных телефонов.

– Мать твою! Конвой!

– Чего орешь? Кнопку нажми.

– Молчать! – Удар кулаком по столу.

– А у тебя, Василий Иванович, нервы ни к черту, – сочувственно говорит Пенкин. – Ты бы взял отпуск, в деревню поехал. Окуньков половил.

– Я не рыбак.

– Жаль.

Тут только Семенов соображает, что на пороге стоит конвойный.

– Увести.

Дверь за Пенкиным закрывается. Семенов какое-то время сидит, обхватив голову руками. Он не понимает, что происходит. Пенкин прав: нервы ни к черту. В отпуск пора. Этот раунд за Анатолием. Чтоб его, Ивановичем. Потом Семенов тяжело поднимается из-за стола и собирает бумаги. День продолжается. Вечером у себя в кабинете, подводя итоги дня, он вновь возвращается мыслями к Пенкину. В дверь негромко стучат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.